

С. 2 «Сердце нежное до хрупкости и исключительный дар любви...»

21 марта исполняется 65 лет со дня кончины известного литературоведа, автора ряда «духовных биографий» русских писателей, друга Н.А. Бердяева, соратника в «Православном Деле» матери Марии (Скобцовой) К.В. Мочульского.

С. 6 Равнина русская

Мы продолжаем публиковать интервью с участниками конференции, посвященной опыту духовного соприкосновения. В этом номере своими размышлениями делится председатель общества «Мемориал» А.Б. Рогинский, профессор А.И. Шмагина-Великанова, директор музея Анны Ахматовой Н.И. Попова, составитель и издатель Книги памяти Ю.А. Дмитриев.

С. 7 О, где же вы, святые острова...

Пространство диалога Церкви и светской культуры нуждается в терпеливом и кропотливом созидании. Одно дело семинар, вечер, дискуссия, которая делает этот диалог возможным в течение одного вечера, другое дело – десятилетние усилия, когда он становится опытом жизни целого прихода.

Открытая встреча

В течение многих лет мы публиковали в нашем приложении ответы на вопросы, прозвучавшие на Открытых (миссионерских) встречах, куда может прийти со своими вопросами о вере и Церкви каждый ищущий ответа человек. Однако мы еще ни разу не публиковали такую важную часть этих встреч, как вступительное слово ведущего. В этом номере мы наконец решили восполнить этот недочет.

«Хорошо нам здесь быть...»

Исполнилось 120 лет со дня рождения епископа Иоанна (Булина), наместника Псково-Печерской обители в межвоенные годы

История России в XX веке наполнена страданиями и потрясениями, история Российской Православной Церкви – неизменно испытаниями и светом Христовой любви. Этот свет входил в мир через избранных Богом служителей – исповедников, мучеников, жертв Красного кесаря. Одним из избранных Божиих стал епископ Иоанн (Булин), наместник Печерского монастыря в 1920–1932 гг., в те межвоенные годы, когда монастырь находился на территории Эстонской республики, ставшей заложницей дипломатических игр двух сверхдержав в их претензиях на мировое господство.

Николай Александрович Булин родился 1 марта 1893 года в бедной семье рабочего в местечке Вепс Ряпинской волости Выруского уезда Эстляндской

губернии. Его предки были выходцами с Дона. Воспитанный в благочестивой семье, Николай Булин выбрал путь, связанный с духовным образованием. Вначале учеба в Рижском духовном училище, затем продолжение обучения в Рижской духовной семинарии, которую успешно закончил в 1915 году. В том же году начало учебы в Петербургской духовной академии. В эти годы Николай Булин среди учеников и преподавателей зарекомендовал себя надежным товарищем, прилежным учеником. Известно, что в самые ответственные моменты жизни курса, на котором обучался Николай, именно ему доверяли проповедовать за богослужением или на торжественных актах выступать со словом приветствия.

В 1916 году Николай Александрович оставляет учебу в Духовной академии

и несколько месяцев жизни посвящает учебе в студенческой школе прапорщиков в Старом Петергофе. После курсов прапорщик Николай Булин в июне 1917 года отправляется в действующую армию в Закарпатье на фронт Великой войны. Был произведен в младшие офицеры и продолжал службу в Бессарабии и Буковине.

В декабре 1917 года Николай Булин был уволен из армии и вернулся в духовную академию. В 1918 году на 2 курсе обучения состоялся постриг в монашество с наречением имени Иоанн, в честь свт. Иоанна, митр. Тобольского. 12 августа 1918 года в Свято-Троицком соборе Александро-Невской лавры в Петрограде происходит рукоположение во иеромонаха. Таинство совершил митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин (Казанский).

Вскоре по благословению митрополита Вениамина иеромонах Иоанн покидает беспокойный и голодный Петроград и возвращается на родину в родительский дом. В октябре 1918 года он, обессиленный и больной туберкулезом, нелегально пересходит границу с Эстонией.

Окончание на с. 5

Продолжая празднование Сретения

23 февраля в Москве состоялась XIX ежегодная научно-богословская конференция студентов, аспирантов и молодых специалистов – Сретенские чтения.

Конференция собрала более 200 человек из 33 городов и 13 духовных школ и светских вузов: СФИ, РПУ св. Иоанна Богослова, Белгородской, Казанской, Кузбасской, Смоленской духовных семинарий, РХГА, СПбГУ, Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Государственного университета управления, Харьковского государственного университета им. В.Н. Каразина и других. Всего на пленарном и шести секционных заседаниях прозвучало 49 докладов. Многие участники приезжают на Сретенские чтения уже не первый год.

От лица ректора Свято-Филаретовского православно-христианского института профессора священника Георгия Кочеткова и организаторов конференции участников приветствовал проректор СФИ Дмитрий Гасак. Приветствие учредителям и участникам направил ректор Российского православного университета св. Иоанна Богослова игумен Петр (Еремеев).

На пленарном заседании выступили заведующий кафедрой миссиологии Белгородской православной духовной семинарии священник Александр Гинкель с докладом «Миссионерские аспекты книги Апокалипсис» и выпускница СФИ Ольга Борисова с докладом «Ташкентская епархия в 50–60-е гг. XX века: служение исповедников веры».

На секции миссиологии и катехетики удалось обсудить как опыт крупнейших миссионеров XIX века (таких как архиепископ Казанский Владимир (Петров), святитель Иннокентий Московский, архимандрит Спиридон (Кисляков)) – так и проблемы современной миссии и катехизации, в том числе непростые вопросы о покаянии и молитве оглашаемых. Большой интерес вызвал доклад выпускника СФИ Игоря Власенко «Контрмиссия в Русской православной церкви в конце XIX – начале XX века».

Доклады на секции богословия были связаны главным образом с проблемами экклезиологии и антропологии. Выступления касались учения о человеческой личности в трудах В.Н. Лосского, осуществления принципов соборности в православии и в англиканстве, осмысления причин страданий человека и других.

Девять докладов прозвучало на секции Священного писания и литургии. Преподаватель РПУ Павел Герасимов представил концепцию преподавания текстов Священного писания студентам с разным уровнем подготовки, построенную не вокруг отдельных текстов Писания, а вокруг тем, выражающих смысловое ядро библейского текста. Уникальные материалы об особенностях богослужебной практики в опыте новомучеников и исповедников российских представила выпускница СФИ Евгения Парфенова. Интересное обсуждение вызвал доклад выпускника СФИ Олега Ермолаева, посвященный опыту протопресвитера Александра Шмемана и его предложениям по актуализации евхаристической жизни православной церкви.

Окончание на с. 4

С днём рождения, родные

В первое воскресенье февраля свой четвертьвековой юбилей отметила христианская община, положившая начало Преображенскому содружеству малых православных братств

В день празднования 25-летия члены первой общины надели подаренные братчиками футболки с остроумными поздравительными надписями

Как получается, что несколько верующих людей вдруг оказываются объединены одной судьбой? Как некогда не народ вдруг становится народом Божиим и осознаёт своё единство? Об этом говорили члены Свято-Андреевского братства, поздравляя своих братьев и сестёр с двадцатипятилетним юбилеем «родной» жизни.

Члены первой в Преображенском братстве общины вспоминали события 1988 года. Уже тогда было чёткое понимание, что рождение общины означает другое качество жизни – более высокое и более ответственное. Надо сказать, что первое время жизнь членов общины внешне оставалась такой же, как и до рождения: и до этого они уже не один год регулярно ходили в храм на богослужение, проводили открытые встречи, вели

катехизацию, организовывали детские выезды, собирали библиотеку духовной литературы... Но братья и сёстры этой общины говорили, что с её рождением они особенно осознали не только ответственность друг за друга, но и ответственность за Церковь. Стало понятно, что община – это навсегда. Слово «родные» по отношению друг к другу, как писал когда-то архим. Сергей (Савельев), создавало между людьми иное пространство, которое давало силы противостоять страху, недоверию и подозрительности к другому, повсеместно насаждаемых в советское время. Тогда, в 1988-м, опыт «родной жизни» был почти неизвестен, и у многих возникало ощущение, что община вступает в плавание в открытом море.

Теперь, по прошествии четверти века, можно свидетельствовать о том, что это плавание, а вернее – «хождение по водам», имеет Божье благословение. Мы поздравляем первую общину и желаем отцу Георгию, а также её членам – нашим братьям и сёстрам – оставаться такими же верными и радостными свидетелями Христовой любви в следующие четверть века! Ещё раз с днём рождения!

Информационная служба
Преображенского братства

Православие за рубежом

«Сердце нежное до хрупкости и исключительный дар любви...»

21 марта исполняется 65 лет со дня кончины известного литературоведа, автора ряда «духовных биографий» русских писателей, друга Н. Бердяева, соратника в «Православном Деле» матери Марии (Скобцовой) К.В. Мочульского. В Интернете о нём написано не так много, по запросу выпадают его работы о Соловьёве, Гоголе, Достоевском, Блоке. О нём самом – короткая биографическая справка: когда родился, где учился и когда умер. Вместе с тем этот выдающийся человек, автор «первой духовной биографии Достоевского», заслуживает особого внимания не только своими литературными трудами, но и личным духовным путём.

К.В. Мочульский родился в Одессе 28 января 1892 года в семье профессора Новороссийского Университета по кафедре истории русской словесности Василия Николаевича Мочульского. Дед его по отцу был протоиереем и ключарём Одесского кафедрального собора. Мать его была греческого происхождения. Сынлюбил её особенно сильной и нежной любовью. И что характерно: сознательно оправдывая психологизм своего духовного опыта, он говорил, что любовь к Пресвятой Богородице переживалась им во всей глубине по связи с любовью к земной матери.

Его родители стремились воспитать троих своих сыновей в церковном духе. (Ещё один штрих к биографии: его брат Николай погиб студентом на Кавказе, спасая тонущую девушку.)

Константин получил хорошее образование, уже в гимназические годы неоднократно бывал за границей. Он окончил в 1910 году Вторую Одесскую гимназию (с золотой медалью), а в 1914 году – Санкт-Петербургский университет по романно-германскому отделению историко-филологического факультета. Мочульский проявил исключительную способность к языкам. После его смерти В.В. Вейдле вспоминал о том, как он уже на первом курсе Университета составил на итальянском языке новую песнь Дантова Ада, в которой вывел своих учителей и товарищей. За границей он перевёл на русский язык «Дон Кихота». Он занимается древнегреческим с первокурсником Осипом Мандельштамом,

который впоследствии посвятил ему четверостишие.

В 1916 году Константин Васильевич сдал экзамены на степень магистра и по прочтении пробных лекций был избран приват-доцентом Петроградского университета. Предстояло его перемещение на вновь открытый историко-филологический факультет Саратовского университета, но революция заставила его возвратиться в 1918 году на родину в Одессу, где он и состоял в течение года штатным доцентом Новороссийского университета. В 1920-м эвакуация Одессы привела его в Болгарию. До начала 1922 года он был штатным доцентом Софийского университета и членом местной Русской Академической Группы, потом переехал в Париж.

В Париже К.В. Мочульский преподавал на русских курсах в Сорбонне, где читал с 1924 до 1941 год циклы лекций по истории русской литературы и русской мысли XIX и XX века. С 1936 года его внимание было сосредоточено на Достоевском. Переход к русским темам был связан с его обращением ко Христу, которое явилось определяющим внутренним событием его жизни. Вместе с тем оно было подготовлено всем предшествующим путём, жизненным и творческим. Обращение его не было отречением от того, чему он служил и над чем работал раньше, но он по-новому обрёл себя во Христе и в Церкви, и центр его жизни переместился. Новое направление жизни привело его в Свято-Сергиевский богословский институт.

Обращение К.В. Мочульского неотделимо от тех духовных встреч, которые были у него в Париже: дискуссии с Н.А. Бердяевым и выступления в Религиозно-философской академии, дружба и сотрудничество с матерью Марией (Скобцовой). Решающей была встреча с о. Сергием Булгаковым. Она окончательно определила его духовные интересы, но состоялась она тогда, когда Константин Васильевич уже твёрдо стоял на духовном пути.

Привлечение Мочульского к преподаванию в Свято-Сергиевском богословском институте по времени более или менее совпало с его вступлением в Братство Св. Софии. В составе профессорской коллегии Богословского инсти-

Из воспоминаний о Константине Васильевиче Мочульском

тута и в Братстве Св. Софии Константин Васильевич, как и многие другие, созрел как православный богослов.

Но это только одна сторона его облика. Вступление Мочульского в братство Св. Софии и в число представителей Богословского института было печатно его обращения ко Христу, которое оказало определяющее влияние и на его книги. Таившееся под спудом вырвалось наружу. Светский писатель, лингвист и историк литературы сознавал себя ответственным членом Церкви. Он попытался приложить свои силы и в сфере церковно-практического делания. Так объясняется его связь с «Православным Делом», к которому его влекла и личная дружба с монахиней Марией (Скобцовой) и её сыном. Их гибель в лагере, которой Константин Васильевич избежал по-человечески случайно, наложила на него глубокий отпечаток. Позволительно думать, что его последняя болезнь была вызвана этим потрясением.

«Ужасно больно слышать о близкой смерти К.В., – пишет Г.П. Федотов С.Б. Пиленко 9 февраля 1948 года, – но он тоже один из новых святых, а главное, дважды рождённый. И замечательно, что в своей второй, христианской жизни он не отрёкся от того прекрасного, что было в первой». «К.В. ещё при жизни – перед смертью – воплотил свой образ, он выявил то, что в нём было наиболее личного, что в нём было образом и подобием Божиим, он как бы извлекся от всего того оппортунистического, что накладывает на каждого из нас жизнь. Этот его образ вечный, и таким он останется в моей душе», – вспоминала Р.С. Клячкина, соратница м. Марии по Сопротивлению.

Перед смертью К.В. Мочульский примирился со страданием, он как бы разрешил проблему страдания, которая его мучила всю жизнь. «В каком я был в прошлую зиму низком духовном состоянии, когда твердил как дятел: почему мне такая несправедливость, почему другие люди могут жить, работать, писать книги, а мне послана такая ужасная болезнь? Но ведь если так рассуждать, весь мир – это чудовищная несправедливость, и прежде всего распятие». «Когда мне очень плохо, я тихо молюсь Христу и Богородице. Бог меня не оставляет, Он всегда со мной. Но вот встаёт вопрос, как

же Бог его допускает? Бог не хочет моего страдания, Он страдает вместе со мною».

Были у него минуты страшной тоски, когда он долго задыхался, сердце у него болело. Он раз тихо сказал: «...всё-таки какая ужасная вещь этот переход».

Эти минуты он преодолевал молитвой. Он много молился: «Иногда мне бывает так плохо, что я и молиться не могу. Но потом скажешь: “Пресвятая Богородица, спаси нас”, “Господи, Иисусе Христе, помилуй мя грешного” – и... свет».

По словам епископа Кассиана (Безобразова), в последние годы своей жизни К.В. Мочульский был недалёк от священства. Ценивший его митрополит Евлогий считал его кандидатом в епископы. «Суровая жизнь того времени не дала распуститься этим росткам, – пишет еп. Кассиан. – Но свидетелем о Христе он был самым фактом своего существования и всем своим духовным обликом. У него было сердце нежное до хрупкости и исключительный дар любви. Чарующая тонкость его духовного облика – не нашей эпохи. Она относится к тому же наследию духа и в наше время грубой силы звучит каким-то анахронизмом. Но в этих анахронизмах светит вечная правда. Разрывая рамки времени, она вторгается в нашу жизнь, как благое упование и залог спасения».

Материал подготовлен Анной Сахаровой
Источники:

- Епископ Кассиан (Безобразов). Родословие духа : память К.В. Мочульского // Православная мысль. Париж : YMCA-Press, 1949. Вып. VII. С. 7–16.
- Вестник РХД. 2008. № 193. С. 182–225.

Новым Патриархом Болгарским избран митрополит Русенский Неофит (Димитров)

24 февраля 2013 г. на Патриаршем избирательном церковно-народном Соборе в Софии митрополит Русенский Неофит (Димитров) был избран Патриархом Болгарским и митрополитом Софийским, сообщило Болгарское телеграфное агентство. Избрание состоялось во втором туре, в котором владыка Неофит набрал 90 голосов.

Собор начал работу рано утром 24 февраля в Синодальной палате. Затем участники Собора прошли в расположенное поблизости здание Болгарской академии наук. В Академическом зале Болгарской академии наук поименно были проверены присутствующие деле-

гаты и их избирательные мандаты. На Собор прибыли 138 из 142 избирателей, что составило необходимый кворум. Из иерархов в работе Собора не приняли участие митрополит Средне- и Западно-европейский Константин и один из кандидатов на Патриаршество – митрополит Галактион, который на днях сильно простудился.

После прочтения Акта о состоявшемся 15–16 февраля 2013 г. избрании трёх кандидатов (митрополитов Старо-Загорского Галактиона, Ловчанского Гавриила и Русенского Неофита) на Болгарский патриарший престол началось голосование. Участники Собора вернулись

обратно в здание Синодальной палаты, где получили бюллетени, а затем, отметив в специальной кабинке свой выбор, опускали бюллетень в прозрачный ящик. После того как все участники проголосовали, Избирательное бюро открыло ящик и подсчитало поданные голоса.

В первом туре лидером голосования стал митрополит Русенский Неофит, который набрал 72 голоса. Поскольку, согласно Уставу БПЦ, для избрания Патриархом кандидату было необходимо получить минимум 92 голоса, не менее 2/3 голосов делегатов, то было объявлено о проведении второго тура, в который вышли 2 митрополита, набравшие

наибольшее количество голосов – митрополиты Неофит и Гавриил. Во втором туре для избрания в патриархи кандидат должен набрать 50% голосов + 1 голос. Но во втором туре митрополит Неофит набрал 90 голосов, а митрополит Гавриил – 47. После окончательного подсчёта голосов наместник-председатель Синода митрополит Кирилл объявил имя нового предстоятеля Болгарской православной церкви, а торжественный звон колоколов храма-памятника св. блгв. кн. Александра Невского в Софии возвестил об его избрании.

Седмица.ru

Издание Преображенского сдружества малых православных братств

Кифа

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).

Главный редактор:
А.В. Колымагина

Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д.29

Тел./факс: +7 (495) 624-9250

Электронный адрес редакции:
kifa@list.ru

Электронная версия газеты:
gazetakifa.ru

Подписной индекс в агентстве Роспечать –19601

Над номером работали:
Анастасия Наконечная, Максим Дементьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Дмитрий Дорошко, Ирина Кольцова, Лариса Мусина, Мария Кайкова

Дизайн и верстка: Марина Подкопаева

Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Газета издаётся с октября 2002 г.

Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Все права защищены.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Нашу газету можно приобрести:

в интернет-магазине predanie.org;

в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38);

в Санкт-Петербурге: в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81.

Телефоны распространителей

Москва:

+7-964-534-64-55

(Александра Ошарина),

+7-965-146-14-56

(Анна Гринман),

+7-965-128-15-07

(Марина Чиркова)

Санкт-Петербург:

+7-963-316-3981

(Анастасия Наконечная)

США, Канада: 1-651-210-4922,

oleg@voskres.net

(Олег Воскресенский)

Архангельск: +7-921-073-3276

(Надежда Макурина)

Вельск: +7-921-247-1137

(София Кудрявцева)

Воронеж: +7-950-763-5035

(Александр Терехов)

Екатеринбург: +7-904-388-0391

(Татьяна Благодарева)

Рязань: +7-920-632-06-71

(Сергей Гаврилов)

Северодвинск: +7-964-296-9042,

(Татьяна Колпакова)

Тверь: +7-909-266-88-83,

+7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)

Тула: +7-920-746-69-73

(Марина Писаревская)

Электросталь: +7-926-787-4305

(Ольга Кузнецова)

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г.

Отпечатано в типографии «Эльф», г. Москва, ул. Сущевский вал, д. 49.

Тираж 1350. Цена свободная.

Выпуск подписан в печать 6 марта 2013 г. Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00.

Дата выхода в свет 11 марта 2013 г.

Новости православных братств

Вера против факта

По благословению митрополита Воронежского и Борисоглебского Сергия в областном краеведческом музее открылась выставка «Он не преклонился перед силой факта. Н.Н. Неплюев и его Крестовоздвиженское братство». Организаторы – Воронежское малое православное братство во имя святителя Тихона Задонского и Комиссия по канонизации святых Воронежско-Борисоглебской епархии.

Авторы масштабного проекта, реализованного теперь и в Воронеже, – культурно-просветительский фонд «Преображение», музей «Трудовое братство Н. Неплюева» (Воздвиженск Сумской области, Украина), Свято-Филаретовский православно-христианский институт (Москва). Руководитель первой из перечисленных организаций, президент «Преображения» Алексей Наумов побывал в Воронеже лично – в качестве участника пресс-конференции, предшествующей открытию выставки.

Не числом, а воспитанием

С журналистами также встретились представители Воронежско-Борисоглебской епархии – секретарь, протоиерей Андрей Скакалин и председатель Комиссии по канонизации святых протоиерей Андрей Изакар, магистр богословия Наталья Игнатович, председатель Воронежского малого православного братства во имя святого Тихона Задонского Алексей Евстигнеев.

Из их выступлений явствовало, что христианский мыслитель, писатель, общественный деятель, наследник древнего дворянского рода Николай Николаевич Неплюев – одна из ключевых (но, как сейчас говорят, «не раскрытых») фигур духовной истории России. Рождённый в местечке Ямполь (сейчас это райцентр в Сумской области) в богатой респектабельной семье, принадлежавшей к древнему дворянскому роду, этот сильный человек действительно сумел подняться над фактом. Задумавшись о призвании русского помещика, потомственный аристократ Неплюев дал себе труд перейти от слов к делу и создать в своём имении, в Черниговской губернии, сначала школу для крестьянских детей, а затем – Крестовоздвиженское Трудовое братство, в которое вошли выпускники

той самой школы.

Будучи гениальным педагогом, Неплюев основал уникальную воспитательно-образовательную систему, позволившую забытым и забытым крестьянским ребятишкам преобразиться в думающих, обладающих подлинным человеческим достоинством личностей, глубоко верующих христиан. «Воспитанники проникаются духом веры и любви христианской не путём умножения богословских предметов и числа уроков, а путём выяснения значения любви в самой жизни, во всех взаимных отношениях и учеников, и учителей, и всех других членов братства. Дети воспитываются в привычках жить любовью, с любовью относиться друг к другу, к воспитателям, ко всей природе, наконец. В этом основной закон всей жизни школы», – пояснял Николай Николаевич.

На ниве просветительства

– Сегодняшняя выставка – очень важное для нас событие, – отметил о. Андрей Скакалин. – Ведь многие не знают истории Крестовоздвиженского Трудового братства, не знают об этом удивительном явлении конца XIX – начала XX века, возникшем в Черниговской губернии. Братство, отношения в котором были построены на идеалах православия, существовало на протяжении почти 50 лет. Об этом долгое время не говорилось, фотографии и другие архивные документы скрывались от общественности.

Сегодня, наконец, точки над «і» расставлены: Крестовоздвиженская школа признана колыбелью Трудового братства, явившего России и Русской Православной Церкви реальный пример христианского единства людей вне зависимости от их сословных, имущественных и иных различий. На воронежской земле восстановление исторической справедливости более значимо потому, что касается непосредственно здешних реалий. Вернее, персон: после смерти Николая Неплюева в 1908 году почётным членом Крестовоздвиженского братства стала принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская, известная современным воронежцам по сохранившемуся в Рамони оригинальному замку и многочисленным благим делам.

О том, что выставка призвана проти-

востоять беспамятству, говорил Алексей Наумов. Нельзя с пренебрежением относиться к уникальному опыту возникновения братств на территории России – это целая традиция. Общинная, она же братская, жизнь ведёт отсчёт с XVI века. Примеров ей – масса, хотя они – никак не у всех на устах. Мало кто, к примеру, знает, что к 1917 году в России было зарегистрировано порядка 700 братств! Они помогали приходам, занимались другой полезной деятельностью. В том числе – просветительской, на ниве которой преуспел многоплановый Николай Николаевич Неплюев.

Покаяния не случилось

Относительно собственно выставки Алексей Андреевич заметил: подобные показы – нечто большее, чем информативное знакомство с темой. Они дают возможность зрителю прикоснуться к опыту святой жизни и измениться самому. «Если человек явился сюда с открытым сердцем – бесследно это не пройдёт...»

Отец Андрей Изакар напомнил: опыт школ и братств Неплюева был высоко оценен знаменитым пастырем, святым праведным Иоанном Кронштадтским. Отец Иоанн, хорошо знавший деятельность Неплюева (тот обращался к пастырю за духовным советом), назвал Николая Николаевича истинно русским дворянином, занимающимся истинно дворянским делом. И как иначе? В декабре 1901 года небедный человек Николай Неплюев передал в дар Братству недвижимое имущество – землю с лесом, постройками и заводами. А позже написал: «Двадцати лет радостных трудов оказалось достаточным, чтобы частный человек мог подарить церкви и отечеству своему живую, здоровую клетку, состоящую из живых духом и здоровых телом и духом людей, сплочённых любовью к Богу и друг к другу в одну братскую семью, полную духа мира и единения в братолюбии... Создать трудовое общество с этим характером было для меня насущною потребностью веры, разума, совести и любви к Богу, моему Государю, Церкви Православной, к моему отчеству, к дворянству, интеллигенции, народу и всему человечеству. Теперь эти сокровища я приношу в дар России».

В 1904 году, осознавая опасность

надвигающихся на Россию социальных потрясений, Неплюев поднял вопрос о национальном покаянии. И немедленно приступил к созданию двух организаций: светской – «Партии мирного прогресса» и религиозной – «Всероссийского братства». Они были призваны объединить людей для «мирного созидания родины», но... понимания у властей и интеллигенции этот замысел не нашёл.

Нет пророка в отечестве

Русский религиозный мыслитель Владимир Соловьёв, размышляя о пути Неплюева, писал: «В том-то и всё значение таких людей, что они не преклоняются перед силой факта и не служат ей... Люди факта живут чужой жизнью, но не они творят жизнь. Творят жизнь люди веры. Это те, которые называются мечтателями, утопистами, юродивыми, – они же пророки, истинно лучшие люди и вожди человечества».

Пророка, как известно, в отечестве нет. После революции продолжатели дела Николая Неплюева стойчески пытались приспособиться к новым условиям. Однако атеистические боссы репрессировали руководителей Трудового братства и превратили его в колхоз. Последовавшее за этим актом насильственное выселение вчерашних братчиков с обжитых земель обернулось не только ломкой их судеб, но и полным забвением дела Неплюева, его имени и идей.

Зная – хотя бы в общих чертах – предысторию того, что стало содержанием выставки, с особым чувством вглядываешься в экспонаты. Оригинальные фотографии и документы из архивов потомков братчиков, прижизненные издания богословских работ Николая Неплюева, копии фотографий и документов из собрания музея «Трудовое братство Н.Н. Неплюева» и Центрального государственного архива кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга, предметы обихода. Очень помог подробнейший рассказ экскурсовода, в роли которого выступила Наталья Игнатович. Но, думается, и самостоятельно выставку освоить труда не составит – она, отдадим должное организаторам, сделана по неплюевским принципам. Грамотно и с любовью.

Источник: Воронежская общественно-политическая газета «Берег»

Память как животворная сила

24 февраля в библиотеке-филиале № 20 им. А.С. Пушкина г. Тулы члены Иоанно-Предтеченской общины, входящей в Преображенское содружество малых православных братств, провели семинар «Память как животворная сила. Воспоминание как преодоление времени», приуроченный к Дню памяти новомучеников и исповедников Российских. Во многих городах страны в этот день верующие отдают дань памяти святым, пострадавшим от репрессий безбожной власти. Прихожане, члены православных братств устраивают семинары, конференции, выставки, посвящённые новомученикам и исповедникам, желая приобщиться к их опыту стояния в вере.

На семинаре прозвучало пять докладов. В одном из них научный сотрудник музея «Тулский некрополь», кандидат исторических наук Алексей Панин рассказал о церковно-государственных отношениях в первые послереволюционные годы. Среди прочего прозвучало, что ещё в декабре 1917 г. были случаи насильственного смещения прихожанами своих священников. Докладчик отметил одну важнейшую деталь: в защите церкви играла решающую роль инициатива рядовых верующих и монашествующих.

Студент богословского колледжа Свято-Филаретовского института Виктор Авилов рассказал о жизни и архипастырской деятельности священноисповедника Агафангела (Преображенского). Святитель Агафангел – уроженец Тульского края, его родственники покоятся на кладбище у ка-

федрального Всехсвятского собора г. Тулы. Немалую славу он снискал за время управления Рижской кафедрой, где под его руководством в 1905 г. был проведён епархиальный собор, по своим положениям ставший «предтечей» Поместного Собора 1917–1918 гг. Впоследствии святитель оказал серьёзное сопротивление обновленческому движению, за что в 1922 г. власти сослали его в Нарымский край.

Завершился семинар докладом главным хранителем МУК «Историко-архитектурный ландшафтный музей “Тулский некрополь”» Ирины Лебедевой о духовном наследии прот. Ростислава Лозинского, известного в Туле краеведа, участника РСХД в Эстонии в 1930-х гг., участника Псковской духовной миссии во время Второй мировой войны, видного богослова и выдающегося пастыря. Под его руководством в 1980-х гг. возникло движение «Тулский некрополь», а в 1998-м – уже музей. Движение стало символом возрождения интереса к культурным и историческим ценностям края.

После выступлений докладчиков участники семинара обсудили, что можно реально сделать в наше время, чтобы преодолеть безразличие к собственной истории в нашем обществе. Все сошлись во мнении, что память о подвиге новомучеников и исповедников, а также память о других церковных и общественных деятелях советской эпохи вдохновляет на решительные действия против духа беспамятства.

Информационная служба Преображенского братства

Как преодолеть безличность в церковной жизни?

В Подмосковье прошёл XIV Сретенский собор

В день праздника Сретения Господня в Подмосковье началась ежегодная встреча Преображенского братства – XIV Сретенский собор, который продолжался три дня и был посвящён обсуждению проблем возрождения человека в современной церкви.

Эпиграфом к этой традиционной встрече стали слова свт. Феофила Антиохийского «покажи мне твоего человека, и я покажу тебе моего Бога...». Как и в прошлом году, на Сретенском соборе присутствовали только члены общин Преображенского братства из России и стран ближнего зарубежья. Всего в соборе участвовало около 800 человек.

Встречи собора были посвящены различным формам воплощения в жизнь принципа личностности – одного из самых важных в жизни любой православной общины и любого православного братства. Члены общин делились своим опытом взаимопомощи в раскрытии личных даров человека, обретении им самостояния и свободы прежде всего от потребительского «духа века сего», преодоления эгоцентризма, своеволия и индивидуализма. Подчеркивалась невозможность в решении главных вопросов церковной общинно-братской жизни переступить хотя бы через одного человека.

Одной из важных тем, обсуждаемых на XIV Сретенском соборе, стала тема духовного сопротивления тоталитарным режимам и тенденциям XX века. Об этом говорили на встрече активистов братского направления «Церковно-общественные инициативы». Были подведены итоги международной конференции «Равнина русская. Опыт духовного сопротивления», состоявшейся в подмосковном доме Преображенского братства две недели назад. На конференции приводились примеры того, как давлению бесчеловечной системы противостояли и отдельные личности, сумевшие сохранить человеческое достоинство в условиях крайней несвободы, и различные православные братства и общины, жизнь которых может вдохновлять нас и сегодня.

В рамках собора состоялся также семинар, посвященный как литургическому опыту новомучеников и исповедников Российских, так и современному литургическому опыту. В связи с этой темой упоминалось и возрождение в XX веке древней традиции проведения «трапез любви» – агап, неразрывно связанных с литургической жизнью.

Наталья Адаменко
Информационная служба Преображенского братства

Продолжая празднование Сретения

Начало на с. 1

В СФИ прошла XIX ежегодная научно-богословская конференция студентов, аспирантов и молодых специалистов – Сретенские чтения

Большинство докладов церковно-исторической секции были посвящены истории XX века. Елена Балашова (РПУ им. св. Иоанна Богослова) рассказала об архиепископе Сергиевском Варфоломее (Ремове) – организаторе христианских общин, ректоре тайной Московской Духовной академии (1930–1935 гг.). Служению епископа-катехизатора Макария (Опоцкого) в 1920–30-е годы был посвящён доклад выпускницы СФИ Александры Будановой. Студентка СФИ Дарья Макаева рассказала о церковной деятельности митрополита Никодима (Ротова) и её наиболее критикуемых сторонах. Аспирант СПбГУ Иван Петров представил доклад о канонической принадлежности приходов Балтии в 1940–1950-х годах.

«При всём разнообразии представленных на секции докладов, в дискуссии неожиданно выявилось определённое

единство проблематики, которое можно выразить словами: “память”, “время”, “понимание», – прокомментировал ведущий секции заведующий кафедрой философии и гуманитарных дисциплин СФИ д-р филос. наук Григорий Гутнер.

Небольшое количество докладов на секции религиоведения – всего пять – дало возможность провести по каждому докладу полноценную дискуссию, отметили ведущие секции декан факультета религиоведения СФИ канд. филос. наук М.В. Шилкина и доцент СФИ канд. ист. наук А.В. Журавский. На секции прозвучали доклады Ивана Негреева (РПУ св. Иоанна Богослова) «Идея синергии в древнескандинавской мифологии», преподавателя СФИ и РПУ Максима Демченко о католической миссии в Индии в XVI–XVII веках и другие.

Информационная служба СФИ

С докладом, посвященным миссионерским аспектам книги Апокалипсис, выступает свящ. Александр Гинкель

О Сретенских чтениях говорят их организаторы...

Учёный секретарь СФИ профессор А.М. Копировский: Если сравнивать нынешние Сретенские чтения с теми, с которых они начинались 19 лет назад, то произошло то, чего мы никак не ожидали. Из скромного, очень небольшого, внутреннего мероприятия конференция стала настоящим церковным событием, которое вызывает интерес других вузов – и светских, и духовных.

У участников Сретенских чтений есть возможность поставить действительно живые проблемы, а не просто показать, что они умеют работать с материалом. Ведь изначально студенческие конференции были, прежде всего, возможностью научиться выступать перед публикой. Сегодня акценты изменились: общение разных мнений, подходов, традиций, школ, обсуждение докладов создает творческую атмосферу, которая стимулирует не только учебу, но и богословскую и исследовательскую мысль.

Декан богословского факультета СФИ З.М. Дашевская: Очень важно, чтобы в среде молодых ученых и исследователей, которые специализируются в области богословия, был живой интерес к различным проблемам церковной жизни, чтобы богословская мысль была живой. Мы постарались, чтобы на Сретенских чтениях получили освещение и лучшие выпускные работы 2012 года в области церковно-исторических исследований, миссиологии, экклезиологии.

Как всегда, мы заинтересованы в том, чтобы студенты, аспиранты и молодые специалисты представляли результаты своей научной работы, чтобы это было и примером, и вдохновением для тех, кто еще продолжает свое образование или завершает его. За последние годы численно вырос состав участников чтений,

расширяется их «география», богословский и научный уровень докладов становится выше, что подтверждает и программа нынешних чтений.

Слава Богу, наши чтения были и остаются открытой церковной площадкой, где могут по-настоящему встретиться люди различных церковных взглядов и позиций, студенты и преподаватели светских вузов и духовных школ и вместе потрудиться для дела просвещения, расширяя, пусть весьма скромно, пространство для диалога церкви и общества.

... и участники

Священник Александр Гинкель, преподаватель Белгородской православной духовной семинарии: Подбор докладов, которые я услышал, очень интересный. Я думаю, что часть из них мы обязательно опубликуем в «Миссионерском обозрении», прежде всего последний доклад, где были интересные факты об антимиссии. Сразу все не получится в одном номере дать, но в течение года, думаю, постепенно многое опубликуем.

Павел Герасимов, преподаватель Российского православного университета св. Иоанна Богослова: Во-первых, мне очень понравился доклад Ольги Борисовой об истории Ташкентской епархии. Видно, что люди работают с источниками. В такой момент, как сейчас, когда история Церкви никому, кроме нас самих, не нужна, это очень приятно. Кроме того, я увидел, что люди сюда приходят, и есть общение.

В организационном смысле всё очень хорошо. Всё сделано заранее, никто никого не ждёт, нет задержек. Это – свидетельство культуры и профессионализма.

И темы докладов хорошие, нужные.

Сергей Белозерцев, студент 5 курса Кузбасской православной

духовной семинарии: Я впервые в Москве и в первый раз на Чтениях. Очень много новых впечатлений. Вряд ли мне сейчас достанет слов, чтобы описать всё многообразие того нового, что удалось здесь пережить, в чем участвовать. Всё это требует некоторого осмысления. Но сама конференция вызывает очень много положительных эмоций. Действительно, ставятся серьёзные вопросы и на серьёзном уровне обсуждаются. Это уже многого стоит.

Многие вопросы находили отклик в уме и сердце и заставляли мысль работать.

Николай-Рустам Исхаков, студент Казанской православной семинарии: Я в первый раз на Сретенских чтениях. В семинарии на стенде вывесили информацию о них, я прочитал, согласовал вопрос с проректором и отправил свою заявку.

Мне понравилась организация, понравились руководители конференции. Хорошие доклады, хорошая атмосфера. Все темы были интересные, обсуждаемые.

Дмитрий Дорошко, студент СФИ: Для студентов Сретенские чтения – это возможность проверить себя, свое умение ставить актуальные вопросы и уметь на них отвечать. Поскольку в конференции принимают участие и молодые преподаватели, то это еще и возможность научиться. Очень радует участие студентов и преподавателей из других духовных школ, и это принципиально, мне кажется, потому что всегда заставляет тебя шире смотреть на вещи и ставить их в определенный контекст. Наряду с этим меня всегда особенно вдохновляют ведущие секций. Как правило, это уже опытные преподаватели, и можно поучиться их умению четко расставлять акценты и подытоживать основные моменты дискуссий.

Евгения Литвиненко, студентка СФИ: Я впервые выступала на Сретенских чтениях – для меня это большая честь, но и повод для переживания с того момента, как я узнала о том, что оргкомитет принял мой доклад в программу. Наверное поэтому меня больше всего поразило то, что в день конференции не было ни страха, ни сомнения, ни неуверенности. Было удивительное единство всех: студентов и преподавателей, гостей и «принимающей стороны», докладчиков и аудитории. И везде было общение: на секциях, когда слушались и обсуждались доклады, за обедом, уже после закрытия конференции. В этом общении была радость узнавания: друг друга, образовательных систем, вузов, Господа в нашем общем деле. Я сердечно благодарна организаторам конференции за возможность принять в ней участие.

Ольга Кузнецова, выпускница СФИ: Для меня Сретенские чтения – продолжение праздника Сретения, потому что на этой конференции происходят самые разные и порой непредсказуемые встречи как с людьми, так и с разнообразной

тематикой докладов. Радостно, что в стенах Свято-Филаретовского института собираются студенты, преподаватели и выпускники со всей России, представители разных духовных и светских школ. Это придает определенный объем для осмысления и обсуждения самых актуальных тем не только нашей веры, но и современной жизни! Слава Богу, что в этом году удалось быть не просто слушателем, но и участником такой дискуссии.

Галина Ложкова, студентка СФИ: Не всякую научную конференцию назовешь вдохновенной. Но Сретенские чтения этого года были именно такими. Вдохновил не только хороший уровень докладов, достаточно разнообразных по тематике, но и заинтересованное и компетентное их обсуждение на секциях (я сама была на двух). Удачей конференции считаю, что организаторам и участникам удалось создать очень неформальное пространство для диалога. В ходе обсуждения ставились в том числе и практические вопросы, через которые был виден живой интерес участников к обсуждаемым темам. Очень порадовало, что многие докладчики не боялись поднимать и те проблемы, которые на сегодня остаются открытыми и требуют еще дальнейшей разработки.

Нина-Инна Ткаченко, студентка СФИ: Порадовало разнообразие вузов, которые прислали своих представителей, сами гости-участники. Было очевидно, что их вдохновляет атмосфера свободы, компетентности, доброжелательности, приветливости. Зацепили два доклада из слышанных мною. Доклад Ольги Борисовой – о том вдохновении и решимости, с которой люди ехали через всю богоборческую страну на окраину, чтобы возродить церковь. Это было до слез евангельски узнаваемо. Поразило открытие, касающееся тайной академии в Москве (по истории церкви), катехизации и богословского образования в Ташкенте: в труднейшие времена церковные люди заботились о главном – о богословском образовании как возможности жить в глубине подлинного Предания. Актуальный пример опыта противостояния злу. Удивляет и вдохновляет широко себя проявлявшая, конкретная, жертвенная ответственность людей за Церковь, и епископов, и священников, и мирян. Конференция дает широкий спектр церковной жизни, разных ее сторон, очень объемно, свежо. Прекрасно, что звучат новые исследования, обновляются и проясняются известные страницы жизни Церкви. Сретенские чтения – пример живого, сорбного богословия, юного, но живого, качественного, рождающегося на глазах, воспитывающего, учащего и собирающего. И спасибо всем ведущим секций – это пример настоящего учительства.

Беседовала Анастасия Наконечная

На подведении итогов Чтений

«Хорошо нам здесь быть...»

Исполнилось 120 лет со дня рождения епископа Иоанна (Булина)

В конце 1918 года иеромонах Иоанн по благословению архиепископа Евсевия (Гроздова) был направлен на приход Зачеренье. После непродолжительных трудов настоятеля приходской общины он был утвержден указом Епископского совета Эстонии исполняющим обязанности благочинного Печерского края в январе 1920 года. В феврале того же года иеромонах Иоанн (Булин) прибыл в Печерский монастырь на должность наместника. В декабре 1920 года в Ревеле в Симеоновском храме был возведен в сан архимандрита с назначением в настоятеля Печерского Свято-Успенского монастыря.

В это самое время – 2 февраля 1920 года – в Тарту было подписано соглашение между представителями советской России и Эстонии о предоставлении независимости республике и установлении новых государственных границ восточнее Печор и Изборска. Это историческое событие позволило не только сохраниться древней православной обители, но и обрести новое развитие, духовный и общекультурный подъем которого охватил весь Печорский край. В этом процессе немалая заслуга принадлежала молодому настоятелю архимандриту Иоанну (Булину).

В годы смуты и потрясений октябрьского переворота и братоубийственной гражданской войны Печерский монастырь находился в плачевном состоянии. Несколько престарелых иноков, разрушенное разоренное хозяйство, полуразрушенные монастырские здания и обветшалые храмовые строения. Настоятель начал восстановление обители с молитвы... Он восстановил суточный, недельный, годовой круги богослужений по старому монастырскому чину. Сам подавал пример в богослужении и молитвенной жизни – был везде первым – пел на клиросе, был блестящим проповедником, писал иконы, не гнушался и простого крестьянского труда. Об этом времени сохранились яркие воспоминания Николая Павловича Златинского, юного жителя Печор: «Хорошо помню его художавую фигуру среднего роста в скромном подряснике, голубоглазое строгое, но улыбчивое красивое лицо, золотые вьющиеся волосы рассыпаны по плечам. Во все времена года его можно было видеть на строительно-площадках, огородах, посадке деревьев. Узнать его можно было по широкому вышитому поясу. А какой он был прекрасный проповедник! Речь его правильная, логически построенная, художественно оформленная, достигала до глубины души. Он был эрудит, много знал, всем интересовался, никого и ничего не боялся. Часто на проповедях отец Иоанн говорил о чудовищных преступлениях палачей ЧК... Он задевал “за живое”, особенно когда касался страданий почитаемых им людей. Помню, как все плакали на проповеди, посвященной страданиям и смерти глубоко почитаемого его учителя и наставника, ныне прославленного в лике мучеников митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина»¹.

В 1920-е гг. Псково-Печерская Свято-Успенская обитель преобразилась. Был произведен капитальный ремонт жилых братских корпусов, отремонтированы и отреставрированы Сретенский монастырский храм, Успенский и Михайловский соборы, выстроена новая каменная лестница от Михайловского собора вниз к центру монастыря. К 1927 году проведено электричество в Михайловский собор.

В это время в монастырь поступают молодые, энергичные и образованные послушники. Среди них было немало офицеров Российской императорской армии и Белого движения. Пример настоятеля монастыря, бывшего воина, придавал уверенность и надежду тем русским изгнанникам, кто оказался в тяжелейших материальных и духовных условиях на чужбине. Число монастырской братии пополнялось не только за счет офицеров

Северо-Западников (армия генерала Юденича), осевших в Эстонии. Письма на имя настоятеля монастыря с просьбой принять в число братии приходили из Парижа, Харбина и других географических частей русского рассеяния.

В 1924 году была произведена хиротония архимандрита Иоанна во епископа Печерского, викария Таллинского митрополита Александра (Паулуса). За год до этого – 7 июля 1923 года – Православная церковь Эстонии, нарушив канонические условия (без ведома Московской Патриархии), вошла в юрисдикцию Вселенского Патриархата. С этого времени Эстония поделена на 2 епархии: Таллинскую (эстонскую) и Нарвскую (русскую). Настоятель Печерского монастыря эти изменения переживал с волнением, чувствуя грядущие испытания.

Нужно сказать, что помимо духовных и хозяйственных трудов, епископ Иоанн своей энергичной деятельностью в областях культуры, просвещения и благотворительности приобрел в Печорском крае личный авторитет, и возглавляемая им обитель стала центром духовной и общественной жизни этого региона Эстонской республики. Сам епископ Печерский Иоанн (Булин) состоял с 1920 года в «Печерском просветительском обществе», являлся почетным членом Юрьевского отдела «Союза русских увечных воинов» и ежегодно щедро жертвовал в фонд воинов-инвалидов. Епископ Иоанн, являясь духовным попечителем скаут-отрядов в Печорах, с 1931 года удостоился звания почетного скаута. Монастырь неизменно участвовал в ежегодном праздновании Дня русской культуры, в певческих праздниках, собиравших в Печорах десятки русских хоров со всей Прибалтики.

Епископ Иоанн (Булин) вел активную переписку с русскими архиереями, видными деятелями русской диаспоры в Европе и Америке. Вот имена лишь некоторых из них: митрополит Евлогий (Георгиевский), митрополит Антоний (Храповицкий), императрица Мария Федоровна и ее дочь Вел. Княгиня Ольга Александровна. Монастырь посетили выдающиеся представители русского рассеяния – мыслители и писатели, художники и артисты – И.А. Ильин, Л.Ф. Зуров, Е.Е. Климов, В.В. Зеньковский и др.

Особенно примечательно, что Печерский монастырь и лично епископ Иоанн в конце 1920-х гг. радушно принимали Русское Студенческое Христианское Движение, филиал которого активно действовал в Печорском крае в 1920–30-е гг. В июле 1929 года в стенах монастыря проходил летний съезд РСХД в Прибалтике. Председателем съезда являлся Л.А. Зандер, наряду с ним в Печору прибыли и другие руководители Движения – И.А. Лаговский, Л.Н. Липеровский, В.В. Преображенский, В.Ф. Бухголец, отец Сергей Четвериков и другие. Весьма активное участие в работе съезда принял и епископ Иоанн (Булин). Он не только показал себя радушным хозяином – руководители Движения разместились в покоях наместника, на территории монастыря проходили заседания съезда, работали кружки-семинары, но и явился «душой собрания», как об этом вспоминали участники этого значительного события. Вечером 4 августа в пещерном храме Успенского собора монастыря епископ Иоанн отслужил молебен, тем самым открыв второй съезд РСХД в Прибалтике. Перед молебном епископ Иоанн обратился с живым проникновенным словом к участникам съезда. Каждый день начинался с литургии в монастырских храмах при участии молодежи, руководителей Движения и наместника обители. Закрывался съезд также общей молитвой с монастырской братией и наместником, который обратился к христианской молодежи с проповедью на апостольские слова «Добро нам здесь быть». По словам Л.А. Зандера епископ Иоанн Печерский явил себя «близким другом молодежи»².

В 1930 году 3-й летний съезд РСХД

в Прибалтике проходил в Пюхтицком монастыре также на территории Эстонии. Епископ Иоанн присоединился к движению молодежи и активно участвовал в работе съезда. По воспоминаниям движенцев, во многом благодаря духовному руководству епископа Иоанна съезд превратился в «...великий взлет веры и любви...» сломал лед самых холодных душ...»³.

Как часто это бывает, вслед за радостью и вдохновением приходят испытания и страдания. Первый тревожный сигнал прозвучал в феврале 1928 года после требования Синода Эстонской православной церкви о необходимости зарегистрировать имущество Печерского монастыря на имя Синода. Братия обители и ее настоятель, а также в большей своей массе православные жители печорского края выступили против таких притязаний. Разгорался конфликт и росло недовольство церковного руководства в Таллинне позицией епископа Иоанна. Это было вызвано еще и тем, что Печерский епископ активно участвовал в общественной жизни Эстонии, защищая права православных приходов и русского населения в целом. Так в 1929 году епископ Иоанн был избран депутатом парламента, тогда за него проголосовали 32 тысячи русских и 15 тысяч представителей православной народности сету. Благодаря последовательной линии защиты православия епископа Печерского удалось отстоять намечавшийся к сносу кафедральный собор св. блгв. кн. Александра Невского в Таллинне.

В июле 1932 года Собор Эстонской Православной Церкви вынес решение о перевое непослушного епископа Иоанна на вакантную Нарвскую кафедру. Настоятелю предписывалось срочно покинуть Печерский монастырь и принимать дела в Нарве. Епископ Иоанн отказался подчиниться митрополиту Таллинскому Александру и в декабре 1932 года был уволен на покой и запрещен в священнослужении. Владыка Иоанн подал в Синод протест, встревоженные жители Печор направили митрополиту Александру обращение за подписью почти 10 тысяч человек, но 30 декабря 1932 года опальный епископ был объявлен не состоящим на службе в Эстонской Православной Церкви. Митрополит Александр (Паулус) исключил архимандрита Иоанна (Булина) из числа братии Псково-Печерского монастыря, несмотря на то, что он смиренно просил оставить его «хотя бы простым монахом».

4 ноября 1932 года в Печерский монастырь прибыл судебный пристав для публичного изгнания епископа Иоанна из обители. По воспоминаниям очевидцев в этот хмурый осенний день у монастыря собралось множество почитателей любимого настоятеля владыки Иоанна, многие плакали. Изгнанный епископ Иоанн поселился в своей квартире вместе с мамой на улице Смоленской. Несмотря на опалу церковных властей, в дом Булиных постоянно приходили друзья, духовные чада и почитатели.

В январе 1934 г. по приглашению Сербского Патриарха Варнавы епископ Иоанн (Булин) уезжает на 4,5 года за границу. В это время он посетил Вселенского Патриарха с прошением вмешаться в напряженную церковную ситуацию в Эстонии, но поддержки не встретил. После этого епископ Иоанн был тепло принят главой Карловацкого Синода митрополитом Антонием (Храповицким), посетил монастыри православного Востока, читал лекции по истории Российской Православной Церкви, учился иконописи у мастеров в сербском монастыре Раковица. Епископ Иоанн получил несколько приглашений занять епископские кафедры в Германии, Северной Америке⁴. Однако после смерти патриарха Варнавы, с которым епископа Иоанна связывали узы дружбы, летом 1938 года он принимает решение вернуться на родину в Печоры.

Летом 1940 года, согласно секретным протоколам пакта Риббентропа-Мо-

лотовы независимые Прибалтийские республики были присоединены к СССР. Осенью того же года начались массовые аресты всех подлинных и потенциальных врагов советского строя. Не обошел вихрь арестов и Печорский край. Наряду с эстонскими гражданами и общественными деятелями было репрессировано русское население, относящееся к «бывшим», в том числе ветераны Белого движения, интеллигенция, активные деятели русских просветительских обществ, руководство РСХД, православные клирики. Одним из первых был арестован епископ Иоанн (Булин). В тот же вечер 18 октября 1940 года было арестовано немало печерян, в том числе иподиакон епископа Иоанна – Н.П. Златинский.

В постановлении на арест «гражданина Булина» значилось следующее: «...И. Булин – бывший белый офицер, будучи Епископом Печорского монастыря, в проповедях с амвона выступал против Советского правительства и коммунистической партии. Сам монастырь являлся штабом, откуда перебрасывались шпионы и диверсанты в СССР»⁵.

По воспоминаниям Златинского, чудом выжившего в сталинских лагерях и ссылке, следствие отличалось особой жестокостью, абсурдностью и цинизмом. 8 апреля 1941 года Ленинградский областной суд приговорил епископа Иоанна к расстрелу. 30 июля 1941 года приговор был приведен в исполнение.

Сегодня память о епископе Иоанне (Булине) в Печорах, да и в Русской Православной Церкви постепенно угасает, уходя в прошлое исторических событий. Об этом можно только сожалеть, ведь с такими яркими многогранными личностями от нас уходит не только духовное наследие Православной Церкви в России, но и теряется навык узнавания Самого Христа в ликах праведников и святых, в сонме которых пребывает и епископ Печерский Иоанн.

Прокуратура Псковской области 22 апреля 1992 года реабилитировала гражданина Булина Николая Александровича. Константин Обозный, зав. кафедрой истории Церкви Свято-Филаретовского института

¹ Зотова Т. Когда увозят в вечность. Жизнеописание епископа Печерского Иоанна (Булина). М., 2006. С. 53–54.

² Плюханов Б.В. РСХД в Латвии и Эстонии. УМКА-Press, 1993. С. 101.

³ Святейший патриарх Алексий II. Православие в Эстонии. С. 381. Цит. по: Зотова Т. Указ. соч. С. 68–69.

⁴ Одновременно появлялись и выступления в защиту епископа Иоанна, такие как это:

«Русская Православная Греко-Кафолическая Церковь в Америке
Его Высокопреосвященству
Высокопреосвященнейшему Александру
Митрополиту Ревельскому и всея Эстонии
Собор епископов Русской Православной
Церкви в Америке, собравшийся 8/21 февраля
1933 года в Свято-Тихоновском монастыре,
постановил:

Заявить самый решительный протест против насильственного удаления русского епископа Иоанна из Псково-Печерского монастыря и захвата эстонцами этой искони русской народной святыни и довести этот протест до сведения Вашего Высокопреосвященства.

Одновременно Собор епископов высказывает свое глубокое сожаление по поводу того, что гонения на русский православный народ начинаются в Эстонии, где до сих пор русским людям жилось лучше, чем в других странах, в которых после войны оцугились части русского народа.

Мы надеемся, что для пользы православной Церкви, а также в видах поддержания добрых отношений между русским и эстонским народами, причиненные русским несправедливости будут устранены.

Митрополит Платон
23 февраля 1933 г.»
5. Зотова Т. Указ. соч. С. 185.

Равнина русская

Мы продолжаем публиковать интервью с участниками конференции «Равнина русская. Опыт духовного сопротивления», прошедшей в Подмоскowie в начале февраля

Что Вас больше всего заинтересовало на конференции, что показалось наиболее важным?

**А.Б. Ро-
гинский,
председатель
правления
международ-
ного общества
«Мемориал»:**
Мне идея
братств (не
только право-
славных) всегда

нравилась. Человека, для которого важнейшей ценностью является гражданское общество, братства не могут не интересоваться. И это меня прежде всего привлекло на эту конференцию. А на самой конференции – несколько вещей.

Во-первых, общая атмосфера. Я бывал на разных конференциях, но такой взаимной доброжелательности почти не видел. На обычных научных конференциях все несколько по-другому. Все-таки ученый мир – конкурентный, а на этой конференции братский, дружеский, взаимоподдерживающий дух. Это первое и главное, что мне здесь понравилось.

Во-вторых, мне понравилось множество ценных, по-настоящему интересных докладов. Доклады о семье Шиков, доклады о семье священников Рубан-Панкеевых-Парабиных-Сербиных – по-настоящему сильное и мощное свидетельство.

И еще – размышления, в первую очередь из уст отца Павла Адельгейма. Встреча с ним – это огромная радость. Я не был с ним знаком. Это настолько радостное чувство, когда видишь этого человека. Эта встреча для меня особенная...

Но самое главное, конечно, не рассуждения, потому что рассуждения, в конце концов, можно рано или поздно прочитать, самое главное – это радостная атмосфера, взаимная поддержка. Люди советуются о подлинном, а не самопрезентуются. Это так важно...

**А.И. Шмаина-
Великанова,
доцент Центра
изучения рели-
гий РГГУ, препо-
даватель СФИ:**

Прежде всего, я узнала массу нового и интересного. Даже по тем темам, где ничего не ожидала. Например, я не думала, что кто-нибудь может мне рассказать хоть что-нибудь новое об Ахматовой. Но директор Фонтанного дома раскопала много интересного. Бездну просто! Или, скажем, Людмила Павловна Алферьева из Тирасполя, выступавшая на секции, посвященной семье. Она рассказала удивительные вещи про громадную семью священников и про человека, который терпеть не мог советскую власть «только благодаря исключительности своего характера».

В целом, мне кажется, что конференция превосходная. Пожалуй, не совсем удачным было первое пленарное заседание, но дальше развитие пошло по восходящей. В первый день была чрезвычайно интересная секция с блистательным докладом Елены Владимировны Беляковой, во второй день было очень интересное пленарное заседание, а на секции про семью уже просто не было ни одного лишнего слова. А это ведь очень редко бывает на конференциях – чтобы «доброе вино сберегли доселе»...

Что касается лично меня, то я всю жизнь живу с этой темой, и раньше, чем я родилась, меня под это, как теперь говорят, «затачивали» в течение нескольких поколений. Поэтому для меня самым потрясающим были свидетель-

ства. Даже когда отец Павел Адельгейм просто стоит и молчит, это сообщает все, что нужно. Когда он сказал, что человек – живая икона: вот, посмотрите, и вы увидите, мы увидели самого о. Павла – бесспорно, живую икону. Когда он молится перед едой... Но, конечно, особенно когда он перечислял имена, рассказывал о людях, которых он знал, потому что это перечисление было молитвой. И когда Юлия Балакшина стала задавать ему вопросы, а он стал рассказывать о себе, перед нами раскрылось то, как настоящий исповедник веры проживает свою жизнь: ничто в том, что он сделал, не кажется ему значительным поступком. Он постоянно говорит: «Обстоятельства сложились так». Хотя понятно, что его поступки – не просто поступки, хотя и это было бы не мало; но это подвиги, которые не делал кроме него никто. Он был единственным, кто в те времена построил храм, поэтому его не могли не посадить. Он это все прекрасно понимал. И сейчас его точно так же травят, только уже братья. И мне кажется, что это не только для меня, но и для всех должно быть самым главным: что мы видим исповедника в действии и его собственное отношение к его исповедничеству: он его не замечает. И это же я отнесла бы к выступлению Елизаветы Михайловны Шик. Она о себе вообще ничего не говорит, ее просто нет, она рассказывает про папу и маму. Слово «я» встретилось в ее рассказе один раз, когда мы спрашивали ее про одну старую фотографию: кто на ней изображен. Она сказала: «Вот это Сергей, мой старший брат, а это я». И больше там не было «я». Но мы тоже кое-что увидели: ее веру, ее верность. Потому что все-таки 75 лет тому назад погиб отец Михаил и 70 лет тому назад умерла Наталья Дмитриевна (и они не прославлены, хотя вот уж святые!), а Елизавета Михайловна эти 75 лет прожила, как один день. И мне кажется, это еще один образец, еще один драгоценный для нас опыт. В одном случае мы можем приобщиться к опыту исповедника, который прямо сейчас при нас осуществляет свое исповедничество, а другой – это пример того, каким образом можно сохранить это чужое (родное) исповедничество, мученичество и донести его до нас – ценой отданной за это жизни. Вот, пожалуй, что мне показалось самым главным.

Может быть, Вы можете привести какие-то примеры противостояния злу?

А.И. Шмаина-Великанова: Да, я знаю их тысячи. В этом смысле моя жизнь от рождения сложилась необыкновенно счастливо. Я только сейчас могу оценить, насколько это редко, когда даже здесь, на конференции, слышу свидетельства людей, которые выросли в советской обстановке. А мне посчастливилось родиться и вырасти среди политкаторжан. И все, кого я знала с детства, были сознательными ненасильственными врагами советской власти. Поэтому мне очень трудно найти пример противостояния – я других не видела! Вот, например, мой дед. Кротчайший в мире человек, который постоянно занимался тем, что в коммунальной квартире прятал людей, убогавших из ссылки, и, сводя картошкой отметку в паспорте и каллиграфическим почерком написав другое, делал им подложные паспорта. За это должен был быть расстрелян не только он, а все, кто с ним ходил по одной улице, а он это делал абсолютно тихо и естественно. Или моя бабка: красавица, дочь миллионера, которая более всего на свете любила искусство. Она понимала в изобразительном искусстве как немногие. Русскую икону ценила, когда об этом не было никакой речи, собирала набойки*, когда этим никто не занимался, и так далее. Я рассказываю об этом,

На одном из заседаний конференции. Крайний слева – прот. Павел Адельгейм

чтобы показать, что она была человеком как будто совершенно другого склада, чем те, кого мы представляем себе, когда говорим: «революционер, подпольщик, герой Сопротивления». Серьезные мужчины сопротивляются, а она – дама. И вот все лето тридцать восьмого года она подходила к окошку детприемника, где сидел нквдшник, и говорила, что она находится в дальнем родстве с таким-то или таким-то ребенком и хочет его к себе забрать. Это я рассказываю даже не о ней, а о том, что я узнала через нее. (Хотя с её стороны, конечно, это тоже был поступок безумной отваги, потому что за углом ее ждали обожающие бабушки и тетки этих детей, которые не смели подойти и подать в окошко свой паспорт. А воспитывать детей они были готовы любовно и заботливо, они только не могли решиться на противостояние этой власти.) И вот она так ходила и ходила, и человек, который сидел в окошке, всегда был один и тот же. Он принимал у нее документы, подписывал, она получала ребенка, шла и отдавала его родственникам. Одна девочка осталась у нас в семье и выросла с нами, а остальных она всех раздавала, потому что у них была родня, которая их любила, но боялась показаться в этой страшной приемной. И вот, в какой-то момент, не подымая глаз, человек, сидевший в окошке, сказал: «Я эти сандалии вижу все лето. Уходите немедленно и никогда не возвращайтесь. Меня арестуют сегодня». И она ушла и больше не вернулась, и осталась жива и научила меня помнить этого человека, который был палач по своей функции и который спас множество детей ценой своей жизни. И ее тоже спас от верной гибели.

Так что я просто могу засвидетельствовать, что вопреки тому, что часто можно услышать, мне довелось увидеть гораздо больше людей, духовно противостоявших советской власти, чем людей, ей покорных.

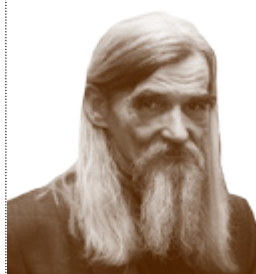

**Н.И. Попова,
директор
музея Анны
Ахматовой
в Фонтан-
ном доме:**
Мне кажется,
что жизнь
Ахматовой

во многом определялась сопротивлением. В первый период своей поэтической жизни она сопротивлялась, преодолевала банальности, штампы поэтического языка. К началу революции она – автор трех книг, вполне удачный, востребованный поэт, она в центре литературной жизни Петрограда. А потом окажется, что она одна – в прямом смысле слова одна (это потом, в конце жизни, она скажет: «нас четверо»). И у нее есть некая высшая идея, она приходит к осознанию ее постепенно и услышит Божий замысел своей жизни: противостоять большевистскому разрушению вечных нравственных основ культуры. Потому что если она этого не сделает – не соединит имена ушедших – поэтов, художников, философов, ушедших в

эмиграцию, в лагеря, растерзанных или убитых – для живых, то останется разлом культуры, губительный для живых. Чреватый тем, что наступит конец времени, конец света. Это чувство было у нее в 1930–40-е, потом еще в конце 1950-х (после Хиросимы и Нагасаки). Она знает, что от нее многое зависит, что она должна что-то сделать, чтобы это остановить, сделать так, чтобы этого не произошло... У меня нет чувства такой катастрофичности сознания, как у нее. Но для меня тоже – может быть, отчасти более приземленно, обыденно – стоит задача соединить ныне живущих и ушедших – через голоса классических русских писателей, через традиционную русскую культуру, в том числе и культуру двадцатого века. Их голоса сделать частью «полифонического» звучания для современного человека, объяснить, зачем они жили, чего они хотели, почему они были, почему для нас их трагическая жизнь, их поэтическое сознание – это свет.

И для Ахматовой, кстати, всегда было очень важно, чтобы был свет и некая точка отсчета. И у неё эта точка отсчета – родная земля, из которой не уходят, не отрекаются, которую не бросают... «Мы ложимся в нее и становимся ею».

**Ю.А. Дми-
триев (Петро-
заводск):** Я
сюда приехал с
единственной
целью – рас-
сказать народу о
Варваре Бруси-
ловой. Не по-
тому, что народ
не знает ничего
о ней. Знает,

оказывается, и слава Богу, что знает. И может быть, мы как-то совместными усилиями поймем, что с этим знанием делать, как дальше двигать в массы.

Ведь Варвара Брусилова – это замечательный, с моей точки зрения, пример духовного сопротивления, причем активного сопротивления. Она сопротивлялась изъятию церковных ценностей, будучи еще молоденькой девушкой. Ну что там – 22 года? Еще ребенок по существу. Но она была так воспитана в своей семье, что для нее духовные ценности народа оказались выше ее каких-то ценностей личностных, которыми она смогла пожертвовать для того, чтобы стать на защиту церкви, на защиту уклада жизни русского народа. По-моему, это подвиг. Если это не подвиг, то найдите мне еще какие-то более достойные примеры. Может быть, они и есть, но вот то, с чем я соприкасался, для меня стало своего рода большим открытием. Я для себя решил, что буду везде рассказывать, особенно молодым девочкам, что есть с кого пример брать.

А о конференции хочется сказать, что радует та теплая атмосфера, которая здесь присутствует.

Беседовала Анастасия Наконечная

* Образцы старинных набойных тканей

О, где же вы, святые острова...

Пространство диалога Церкви и светской культуры нуждается в терпеливом и кропотливом созидании. Одно дело семинар, дискуссия, которая делает этот диалог возможным в течение одного вечера, другое дело – десятилетние усилия, когда этот диалог становится опытом жизни целого прихода, целой общины. Мне посчастливилось быть свидетельницей не только первого, но и второго, хотя о втором я сегодня вынуждена писать, увы, уже в прошедшем времени.

Чуть менее 20 лет тому назад я впервые переступила порог Сретенского храма села Заостровье близ Архангельска. Мой путь в веру шёл от князя Мышкина, от Достоевского, от всей русской культуры, в которой я чувствовала свободу, глубину, свет, без обретения источника коих жизнь становилась всё бессмысленней. В церковных стенах меня, как водится, встречали «недобрые бабушки», требовавшие надеть платок, и «добрые батюшки», которые или молчали, или говорили на совершенно диком языке (однажды в проповеди я, например, услышала: «Есть время собирать комки, есть время разбрасывать комки...»). Как манну небесную я восприняла весть о том, что недалеко от Архангельска (города, в котором я в то время жила) служит молодой священник, недавно учившийся в том же вузе, что и я, да еще

и на историческом факультете. Так я оказалась в приходе, настоятелем которого был отец Иоанн Привалов.

Это было задолго до того, как в Заостровье и Архангельск по приглашению отца Иоанна стали ездить выдающиеся деятели современной культуры: Ольга Седакова, Сергей Юрский, Никита Струве. Но уже тогда, в середине 1990-х, на заостровском приходе велись катехизические беседы. Я решилась их посещать, поставив внутреннее условие: буду ходить до тех пор, пока отец Иоанн не «ляпнет» что-нибудь такое антикультурное, что освободит меня от необходимости дальше на этих встречах бывать. Отец Иоанн, однако, ничего такого не говорил, зато в сознание моё стали проникать слова: «Марфа, Марфа! ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно...» И в свете этого «единого на потребу» новым цветом и светом заиграли знакомые с детства тексты и образы мировой культуры. Отец Иоанн произносил удивительные проповеди, в которых совершенно органично звучали строки Блока, Пастернака, Мандельштама, и в какой-то момент я поняла, что сердце моё не просто радуется знакомым строчкам, а загорается любовью ко Христу. Но, может быть, самое сильное «культурное преображение» я пережила, когда поближе познакомилась с заостровскими бабушками, в советские годы

сохранившими храм от разорения.

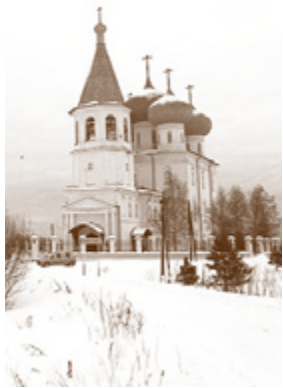
Мы стали вместе петь на клиросе, и нам, молодёжи, старательно разучивавшей по нотам свои хоровые партии, страшно не нравились «джазовые импровизации» дорогих бабушек. Что уж говорить о том культурном шоке, который я пережила, впервые услышав в их исполнении духовный стих «Самарянка», – я чуть не сбежала с прихода (думаю, наши бабушки пережили нечто подобное, когда впервые услышали стихи Ольги Седаковой). И всё же в том пространстве общения, которое творил вокруг себя отец Иоанн, любовь и доверие преодолели все культурные преграды: я приняла культуру наших дорогих бабушек, они – приняли мою. Я поняла и заново пережила культуру как общий дом, в котором хорошо жить разным людям, как драгоценный сад, который только вместе получается возделывать и хранить. Главное, чтобы в этом доме собиралось всё подлинное, рождённое живой жизнью, а не мёртвой идеей.

В XIX веке архим. Фёдор (Бухарев) размышлял о том, что христианину «должно стоять за все стороны человечества как за собственность Христову», что у христиан есть призвание восстанавливать «принадлежность Христу» «всей области наук, искусств, жизни общей и частной». Это задача нелёгкая, непростая. Это задача добровольного со-

шествия во ад и отвоёвывания у безбожного мрака всего того, что может быть причастно Божественному свету. Это двудеиная задача созидания подлинной творческой культуры и восстановления человеческой личности. Я видела, как в людях, входивших в общину Сретенского храма, что-то постепенно оттаивало, раскрывалось, как уходил страх перед пространством смыслов, исчезали из речи газетные штампы, а из сознания советские схемы. Всё это становилось не поводом для превосходства, но оборачивалось глубоким смирением перед Богом, перед красотой церковной традиции, не творчеством форм, а творчеством самой жизнью...

*О, где же вы, святые острова,
Где не едят надломленного хлеба,
Где только мёд, вино и молоко,
Скрипучий труд не омрачает неба
И колесо вращается легко?*
Осип Мандельштам, 1919 г.

Ведущая рубрики Юлия Балакшина

Слово правды

Елена Цезаревна Чуковская:

В 2003 году в Москве проходила международная конференция, посвящённая 85-летию Александра Солженицына. На конференции я познакомилась с молодым священником, который замечательно говорил о своём восприятии книг Солженицына. Это был о. Иоанн Привалов.

После конференции я послала ему в Архангельск недавно вышедший двухтомник сочинений моей матери Лидии Чуковской. Отец Иоанн проявил внимание и интерес к этим книгам, а меня пригласил приехать в Заостровье, несмотря на то, что я – человек неверующий.

Увиденное в Заостровье меня глубоко поразило.

Дух взаимного доверия, трудолюбия, доброты пронизывал воздух этого братства. Переполненный храм, светлые лица прихожан, огромная библиотека в доме о. Иоанна, его увлечённость и повседневное служение произвели на меня сильное впечатление.

Я почувствовала, что тут, в Заостровье, совершается главное для нашего общества дело – воспитание взаимоуважения, любви к людям и внимания к ним.

Мне больше восьмидесяти лет. Последние недели живу в тревоге и беспокойстве. За свою жизнь я была свидетелем многих кампаний против лучших людей нашего общества, вспоминались слова Пушкина, написавшего «...что ум, любя простор, теснит, / Что слишком часто разговоры / Принять мы рады за дела, / Что глупость ветрена и зла, / Что важным людям важны вздоры / И что посредственность одна / Нам по плечу и не странна».

Не мне судить о внутрицерковных разногласиях, но я убеждена, что любые разногласия должны преодолеваться, минув огульные несправедливые обвинения. На примере кампании травли и клеветы, развёрнутой против о. Иоанна и его прихожан, снова приходится видеть неоправданную злобу, бездоказательные и явно ложные утверждения, тиражируемые в печати. И всё это против чело-

века, который, искренне и полностью отдаваясь своему служению, ищет путей сближения, сплочения людей.

Печальный опыт аналогичных пропагандистских кампаний в прошлом веке должен был бы научить наше общество остерегаться этих методов, беречь людей, несущих своим трудом свет и радость окружающим.

Вспоминаю о. Иоанна и верю, что он преодолел это испытание с честью и мужеством. Сочувствую всем его прихожанам и друзьям.

Вспоминаю любимую пословицу Солженицына: «Одно слово правды весь мир перетянет».

Елена Камбурова:

Мне посчастливилось быть на двух службах в Заостровье, которые вёл священник Иоанн Привалов. Поразило, как совершалась служба, как бережно доносились каждое слово, с какими просветлёнными лицами слушали пастыря прихожане! Поразило и то, какую огромную работу проводит отец Иоанн в области культурно-нравственного воспитания людей, их просвещения! В рамках этой работы состоялась и встреча прихожан со мной. И услышав, какие вопросы они мне задавали, я поняла, что имею дело с добрыми, светлыми, жаждающими знаний людьми! Вот они-то и есть великие Плоды служения отца Иоанна!

Если бы в России было гораздо больше таких не формально существующих приходов, то и вся наша страна преобразилась бы! Помогите, Господи, отцу Иоанну достойно пронести испытания, выпавшие на его долю, и пошли просвещение душам тех, кто так превратно воспринимает и толкует его деятельность!

Р.С. Одним из таких упреков к отцу Иоанну, насколько мне известно, является ведение службы не на церковнославянском языке. Лично я привыкла произносить основополагающие молитвы на нём, и мне это особенно важно потому, что именно эти слова произносили святые земли русской. Но можно ли осуждать тех, кто сегодня обращается ко Господу на современном русском языке?! Тем более что в разных уголках земли испокон веков люди молились, молятся и будут молиться на множестве разных языков! Бог слышит искренние молитвы.

Вспоминают братчики

Помните ли Вы, как отцу Иоанну пришла в голову мысль приглашать в Заостровье деятелей культуры? Как Вы к этому отнеслись?

Андрей Бавыкин, Заостровье, мастер теплосети: Отец Иоанн натура увлекающаяся, и его увлечённость всегда привлекала разных людей в приход. Очень многие его не понимали, в том числе и я. И только когда целая серия таких встреч прошла, мы стали понимать, для чего они нужны. Помню, как-то мы ехали в машине, и он сказал, что думает пригласить Сергея Юрского. А Юрский для меня – это человек, который сыграл Остапа Бендера или в фильме «Человек ниоткуда». При чём тут православие, при чём тут христианство? Почему других не пригласить? Отец Иоанн начал отвечать на мои вопросы, но не убедил. Он сказал: важно приглашать людей, интересных своим трудом в культуре, своим творчеством, подлинностью которого можно было бы сравнить с подлинностью христианства. Я его не понял. Ничего подобного христианской глубине у Сергея Юрьевича я не видел. Я уже потом согласился с о. Иоанном, когда ближе познакомился с Сергеем Юрским. То же было и с приглашением Ольги Седаковой – непонятно было, зачем её приглашают. А потом очень полюбили её многие, стихи начали наизусть учить. Хотя Ольге Александровне раньше говорили, что её стихи сложны для простого народа. А тут, когда человек без высшего и даже без технического образования спокойно читает её стихи и даже понимает, – это было для неё открытием. Так что всё это было не очень просто, достаточно сложно.

Помните ли Вы случай, когда Анна Ильинична Шмайна-Великанова решила на своей лекции сократить часть, чтобы это не было слишком тяжело для жителей деревни?

Да, она убрала там поэтическую часть. А наш брат Родион, он корабел, говорит: это ведь такое творческое время было – там обязательно должна была быть поэзия, неужели не было? А она просто подумала, что корабелям, рабочим эта часть не нужна.

А вообще до этого Ольга Седакова была у нас не один раз, Анна Ильинична Шмайна-Великанова была не самая первая. До этого было тоже много очень интересных людей. Конечно, общий уровень образования у нас... невозможно было всем учиться в институте. И вот эти

встречи – это было такое образование людей, спаянных одной верой, да и общий культурный уровень вырастал. Это было заметно по всему... Люди, которые не имели даже какого-то техникума, среднего специального или высшего светского образования, начинали гораздо больше разбираться в культуре, чем те, кто имел высшее образование даже в области культуры. Это было заметно и по работе. У меня нет ни высшего, ни среднетехнического образования, только средняя вечерняя школа. Но именно эти встречи и оглашение, Просвещение дали свои результаты. Даже на работе, когда я заканчивал богословский колледж, я стал диспетчером, а когда закончил миссионерский колледж – стал мастером, хотя было чётко написано: на эту должность ставят только людей с высшим образованием. Но я своим поведением смог убедить, что меня можно поставить на эту должность.

Как вы готовились в братстве к приезду Никиты Алексеевича Струве, Ольги Александровны Седаковой и других деятелей культуры? Не волновались, что не сможете как следует подготовиться?

Наталья Голубева: Конечно, волновались. Было какое-то внутри замирание. Такая перед нами планка высокая ставится. Но в то же время мы верили о. Иоанну, что он не хочет же нас выставить на позор. Мы понимали, что он в нас верит, поэтому не просто так мы с ними встречались, была серьёзная подготовка. Мы месяцами готовились. Разрабатывали вопросы, читали произведения.

Сложно было готовиться?

Наталья Голубева: Это было интересно. Я с каждой встречей всё больше понимала, что это горизонт, который расширяется и расширяется. Мало того, каждый человек, который к нам приезжал, открывал ещё тот дополнительный круг людей, о которых мы, может быть, слышали, но глубоко о них не знали. Одно имя открывало другое и т.д. Получалось, что тыходишь куда-то, в круг тех, кто создавал эту культуру, хранил её и передавал. И это ощущалось.

А что говорили жители Заостровья, которые не входили в братство, делились своими впечатлениями? Ведь если Юрского все знают, то,

Окончание на с. 8

Начало на с. 7

О, где же вы, святые острова...

скажем, Анну Ильиничну Шманину-Великанову – вряд ли. Это ведь целое дело – рассказать о приезде таких людей тем, кому это действительно важно знать.

Наталья Голубева: Конечно, мы рассказывали предварительно людям о тех, кого приглашали. А кроме того, они уже какое-то доверие имели после первой встречи. Первым приехал к нам Никита Алексеевич Струве, и стало ясно: вкусу о. Иоанна можно доверять.

Зал был полон?

Николай Голубев: Братчики стояли у стенок, мест не хватало всё время.

Успели ли вы застать момент, когда отец Иоанн устраивал культурные встречи с приездом гостей?

Андрей Зайченко, Северодвинск, 23 года: Я был еще ребенком. В сознательном возрасте была встреча с Сергеем Юрским в 2012 году.

Максим Бибин, Северодвинск, 24 года: Хорошо помню эту последнюю встречу с Юрским. Я благодарен отцу Иоанну за неё и за те многие встречи, на которых я был, если можно так сказать, в бессознательном возрасте. За то, что отец Иоанн давал возможность встретиться и общаться с людьми достойными, которые сейчас живут, их слушать и как-то приобщаться к тому, чем они делятся. Потому что для всех важно, а для молодежи особенно, иметь каких-то учителей, людей, на которых можно равняться, с которых можно брать пример. Приезд Сергея Юрьевича был дорог мне, поскольку он поднял вопросы очень важные. Все люди, которые приезжали, всегда поднимали важные вопросы, касающиеся жизни настоящей, подлинной.

Андрей Зайченко: Я тоже благодарен отцу Иоанну за эти встречи, потому что можно было не только слушать Сергея Юрьевича, но и задавать ему вопросы, которые нас интересуют, и Сергей Юрьевич акцентировал внимание на том, как мы живем, насколько мы качествен-но проживаем эту жизнь. Он ведь, когда приезжает, не только ради отца Иоанна приезжает, но и ради людей, которые находятся в Архангельске, потому что ему важно видеть людей, которые думают и понимают и слушают не ради того, что кто-то приехал к ним, а народ реагирует на то, что он говорит. И людям важно проживать жизнь не только по схеме «работа – дом», но и думать о каких-то важных духовных вещах.

А его не удивило, что встреча происходила в общем-то в деревне, что деревенские жители его ждут, ему рады?

Максим Бибин: Конечно, он удивился, что люди из разных городов, разных местностей собирались в Заостровье. И он говорил об этом, и потом давал на пресс-конференции интервью и тоже говорил о том, что люди прикладывают усилия, время и средства для того, чтобы попасть в Заостровье. Я еще хотел добавить, что приглашая гостей, таких известных людей, Ольгу Александровну, Сергея Юрьевича или Елену Камбурову, о. Иоанн не руководствовался формальным подходом, он не приглашал людей просто потому, что они знаменитые. Приглашая этих людей, отец Иоанн реагировал на те важные вопросы, которые ставила перед ним жизнь, и людей этих приглашал, чтобы у них получить ответы. И возможность услышать этот ответ он давал всем нам. И эти вопросы – они вневозрастные, они не только для среднего возраста и для пожилого, но и для молодежи.

Эти встречи были для своих, для братских? Или в них участвовали не члены братства?

Андрей Зайченко: Была встреча в библиотеке, куда приглашались все жители Заостровья. Сергей Юрьевич давал концерт, свою программу, а потом была встреча с журналистами.

Беседовала Анастасия Наконечная

Страх – агония человечества

Очередной, третий, выпуск сборника интернет-конференций издательства Преображенского содружества малых православных братств посвящён поиску путей для преодоления тех искажений в жизни человека, которые «убивают жизнь духовную и разлагают жизнь душевную».

Имеются в виду всякого рода страхи, кроме страха Божьего, душевные болезни и пристрастие к алкоголю. Новая книга объединяет три интернет-конференции, проходившие на сайте ПСМБ в разное время с участием разных людей. Однако их объединяет то, что все они описывают проблемы, связанные с психическими расстройствами, возможностью их преодоления, а также с изменением отношения к больным их близким и ближним. В первой части сборника свящ. Георгий Кочетков отвечает на вопросы интернет-

читателей о страхе вообще, разбирает, каким бывает страх, какой страх опасен для человека, а какой может идти ему и на пользу. Во второй части врач-психиатр Б.А. Вознесенский размышляет о том, как влияют психические заболевания на духовную жизнь человека, как отличить излишнюю эмоциональность, свойственную характеру человека, от признаков заболевания. В третьей части А.М. Копировский и А.В. Ошарин, сопредседатели братства «Трезвение», рассказывают о мифе «кто не пьёт – тот не православленный». Это утверждение не только ошибочно, но и крайне опасно. Алкоголь вообще не связан с верой, а профессию алкодилера в наше время можно было бы смело причислить к запрещённым профессиям для христиан.

Удивительно, что, несмотря на то, что три интернет-конференции описывают

внешне разные проблемы, во всех трёх общим лейтмотивом присутствует некая тоска человека по полноте жизни, которая если не приводит его к Богу, то заставляет искать эту полноту в различных суррогатах, разрушающих как жизнь самого ищущего, так и окружающих его людей.

Настали ли лучшие времена

Издательство Преображенского содружества малых православных братств готовит к выходу книгу «Богу шоры не нужны». В неё вошла ранее никогда не издававшаяся и пролежавшая многие годы в личном архиве филолога Ирмы Кудровой переписка монахини Елены (Казимирчак-Полонской) и инокини Иоанны (Рейтлингер).

«Мне был передан ещё и пакет разрозненных рукописей, чтобы я их сохранила “до лучших времён”. Нынче эти времена, слава Богу, настали», – этими словами заканчивается статья

Ирмы Кудровой «Сёстры», которая служит послесловием к книге «Богу шоры не нужны». В ней опубликовано несколько писем двух духовных дочерей о. Сергия Булгакова, выбравших, хотя и в разное время своей жизни, но всё-таки один путь служения Богу – быть монахинями в миру. А в качестве приложения к письмам добавлены небольшие зарисовки-воспоминания сестры Иоанны (Рейтлингер) и монахини Феодосии (Соломянской) о последних днях о. Сергия Булгакова, которые помогают понять, почему этот выбор был ими сделан.

Письма матери Елены и сестры Иоанны датируются отрезком времени в тридцать лет, с 1958-го по 1987 год. В

истории нашей страны этот промежуток охватывает хрущёвскую оттепель, времена брежневского застоя и горбачёвскую перестройку, а по человеческим меркам это период смены целого поколения. Удивительно, что за это длительное время обе женщины не теряют способности к подлинному общению и взаимопомощи при том, что они не имеют возможности регулярно видеть друг друга.

Для сестры Иоанны 1958 год, которым датируется первое письмо, – трудное время. В 1955 году она возвращается из эмиграции в СССР, но направлена советской властью жить в Ташкент фактически в изоляции, в «пустыне». К тому же в это время она отходит от церкви, разочарованная состоянием православия ещё в Чехии, где ей пришлось жить до возвращения в Советский Союз. Однако эти духовные метания одного из лучших иконописцев XX века («Она внесла жизнь в то, что начиная с XVIII века превратилось в прикладное, если не шаблонное ремесло», – говорил о творчестве сестры Иоанны Н.А. Струве) стали для Елены Казимирчак-Полонской стимулом для написания писем из Ленинграда, которые мы теперь имеем возможность прочитать. В них она делится с «Юленькой» переживанием действия Божьего в своей жизни. Письма Елены Ивановны раскрывают перед нами образ настоящего миссионера и человека, решившего жить по Евангелию вне зависимости от внешних жизненных условий. Вот она свидетельствует о Боге следователю в тюрьме, и – о чудо! – вопросы превращаются в проповеди, и, казалось бы, настроенный на уничтожение человек обращается в веру. Вот она находит подходящие слова для умирающего, и тот спокойно и без страданий отходит ко Господу, или для неверующей женщины-коммунистки внезапно потерявшей мужа, которые полностью меняют жизнь вдовы.

Широкий смысл простых вещей

Хлеб вчерашнего дня хорош и завтра. Так звучит поговорка пьемонтских крестьян, которые знают о том, что испечённый в печи хлеб через пару дней хоть немного и черствеет, однако приобретает более насыщенный вкус. Эта поговорка послужила заглавием для книги основателя общины Бозе Энцо Бьянки «Хлеб вчерашнего дня», недавно выпущенной на русском языке (в переводе Олега Цыбенко) издательством Преображенского содружества малых православных братств.

Вслед за своими земляками, жителями деревни Монфератта, Энцо Бьянки видит в простой поговорке широкий назидательный смысл: «Основательное питание, полученное из прошлого, хорошо и для будущего, а основополагающие принципы, вскормившие сущность того, что предшествовало нам, в состоянии

поддерживать и нас самих, даруя нам жизнь, радость, спокойную причастность нашего существования миру рядом с дорогими нам людьми». Так и вся книга: рассказ о простых вещах, каждая из которых имеет широкий смысл.

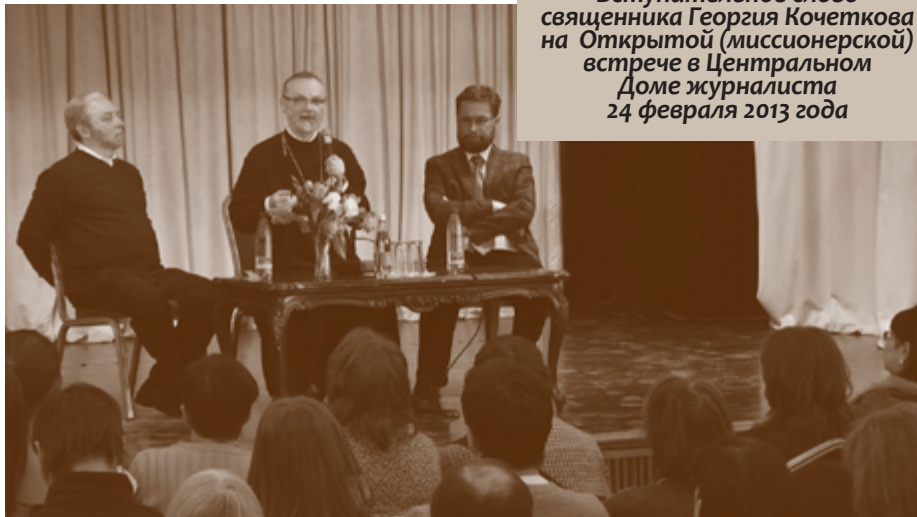
В книге мы не найдём поучений, её автор сам предстаёт перед нами как ученик, описывая среди своих учителей одиноким людей, отверженных обществом: соседа с уродливым наростом на голове, обучающего мальчика Энцо заботам об огороде, о возделывании земли; бродягу, который умел благодарить Бога даже за маленькую комнатку в монастыре. Именно этим евхаристическим духом, духом благодарности за каждое мгновение жизни и её разделение с ближними, пропитана вся книга. На каждой странице в описании, по сути, обыденных вещей незримо присутствует Тот Другой,

Который «желает, чтобы мы жили, желает не нашей смерти, а наоборот – спасти нас от смерти». Именно поэтому ностальгическая грусть по ушедшим временам юности не превращается у Энцо Бьянки в старческое брюзжание «а вот в наше время...», а звучит как требование наполнить жизнью и старость, и даже умирание.

Христианство и современность

Вступительное слово
священника Георгия Кочеткова
на Открытой (миссионерской)
встрече в Центральном
Доме журналиста
24 февраля 2013 года

Ведут встречу священник Георгий Кочетков, председатель Преображенского братства Дмитрий Гасак и председатель Андреевского малого православного братства Сергей Смирнов

Дорогие друзья, сегодня мы с вами продолжаем цикл встреч, которые идут уже много лет. Они начинались еще в конце 80-х годов, и с тех пор мы регулярно проводим такие встречи для всех желающих. За это время сменилось целое поколение, но оказывается, что интерес к внутренней жизни человека, к духовной жизни, несколько не уменьшается. И он совершенно не связан ни с модой, какая бы она ни была, ни даже с отношением к церкви. Всё это в обществе, в культуре, в сознании людей меняется, само собой, но интерес к внутренней жизни человека и к тому, что относится к области веры, доверия, к каким-то фундаментальным вещам в этой жизни, сохраняется. Более того, сейчас, например, этим стало интересоваться значительно больше молодежи. Хотя это тоже, наверное, естественно, ведь молодежь думает о будущем – и своем, и своих близких, родных – и, конечно, тоже хочет как-то в этом участвовать.

Наша тема сегодня самая общая. Мы не хотели ставить жестких рамок, границ, мы назвали ее просто: «Христианство и современность». Раньше мы иногда называли такие встречи «Что такое христианство?», но сегодня это звучит несколько упрощенно. Сейчас люди считают, что они уже знают, что такое христианство. И может быть, каждый по-своему, в какую-то свою меру, действительно знает, и это очень интересно, потому что эти представления очень и очень разные. Но погово-

рить о христианстве и современности сегодня нужно, потому что в этой теме людей многое удивляет и заставляет задуматься. Даже такие, кажется, совсем простые вещи, как какой-нибудь метеорит, который упал где-то на Урале... И то людей это очень и очень взволновало. Как это понимать? Это что, какое-то знамение с небес? Или исполнение каких-то пророчеств, древних или современных? Или это просто случайность: ну, упало и упало что-то сверху? Правда, некоторые поэтически настроенные люди говорили, что сверху просто так ничего не падает. Так что мы и к этому готовы: думать, что сверху просто так ничего не падает... Так же как и то, что рукописи не горят, и т. д. В наше время мы к каким-то вещам оказались очень хорошо адаптированы, мы их как-то удивительно хорошо усвоили, и это интересно, это радует. Но скажу вам честно, я не фаталист. Я не думаю, что надо выстраивать слишком короткую цепочку между тем, что где-то что-то сверху упало, и тем, как мы с вами будем жить сегодня, завтра и послезавтра.

Я думаю, что самое главное все-таки то, что происходит в человеке. И не просто в его сознании: мне кажется, ушли безвозвратно те времена, когда говорили о бытии и сознании, решая, что там первично, а что вторично. Все уже давно поняли, что это совсем не основной вопрос философии, а вообще периферия, нечто, ушедшее далеко в прошлое. Но что-то всегда происходит

внутри человека, а когда не происходит, люди испытывают большой дискомфорт. Они не хотят опустошения. Это я могу сказать точно, причем независимо от того, какие здесь есть культурные, национальные, исторические корни или психологические предпосылки, – независимо ни от чего, люди не терпят пустоты. И это, мне кажется, некий залог надежды для нас в то время, когда для этой надежды не так много внешних оснований. Мы с вами не можем похвастаться тем, что мы можем опереться на то, другое или третье в нашем обществе – в государстве, в экономике, в культуре, иногда даже, к сожалению, в своем близком окружении, скажем, в коллективе, где мы работаем или учимся, или даже среди своих друзей и приятелей. К сожалению, на такие вещи не всегда удается опираться, и поэтому приходится внутри себя искать что-то действительно подлинное и ценное, что вывело бы нас на какую-то дорогу смысла и духа. Правда, как известно, с духами всё не так просто: разбираться с ними можно, но трудно. Со смыслами, как кажется, немножко легче, ведь мы с этим больше сталкиваемся: с разными смыслами, и внешними и внутренними. Смыслов существует много, как много и смысловых уровней. Есть, конечно, наиболее общие, универсальные смыслы, кстати, так же как и духи, хотя о них на русском языке говорить как-то немножко затруднительно. Хотя почему нет, в начале XX века об этом говорили очень хорошо. Но этот язык, мы, к сожалению, немножко подзабыли. Так же как мы подзабыли, честно говоря, и о том, что такое христианство, что такое вера. Мы, к сожалению, забыли какие-то фундаментальные понятия. То есть как забыли: слова-то мы знаем, но мы с вами их употребляем по-разному. И это можно гарантировать, даже здесь, в этом зале, никого еще не спросив, ни с кем не познакомившись, никого еще не выслушав.

Это как раз такая вещь, которую нам с вами придется сразу как бы зафиксировать. Если вы не согласитесь, то мы потом можем подIALOGизировать на эту тему, но может быть, вы сразу и согласитесь, что у нас основные понятия, означающие эту самую внутреннюю, духовную жизнь, несколько «поплыли». Русский язык потерял свою определенность, однозначность. Нет почти ни одного важного понятия – во всяком случае, важного для христи-

Христианство и современность

Слово священника Георгия Кочеткова
на Открытой (миссионерской) встрече
в Центральном Доме журналистов
24 февраля 2013 года

анства, – которое бы не раздвоилось или не расстройлось. Все эти понятия в наше время употребляются так, что нет никакой уверенности, что тебя понимают правильно, когда ты называешь все правильные слова, то есть что тебя понимают так, как ты ожидаешь, как ты сам считаешь правильным.

Это касается всего, в том числе и веры. Я особенно люблю эту тему, потому что вера все-таки для человека вещь очень важная. У меня есть глубокое убеждение и опыт – а я ведь уже тридцать лет в священном сане и кое-что в своей жизни в этом смысле и видел, и слышал, и читал, и испытывал – и скажу вам (хотя, может быть, вас это удивит), что человек, потерявший веру, умирает. Умирает не просто внутренне, не просто как бы застывает в каком-то столбняке, он по-настоящему умирает, и внешне тоже. Есть вещи, без которых человек не может жить в принципе. Другой вопрос, какая у него вера. Она может быть хорошей или плохой, совершенной или несовершенной; она может быть детской, младенческой или взрослой, искушенной, – всё это разные вещи. Но я уверен, что все вы, здесь присутствующие – люди, имеющие веру. Абсолютно все, даже те, кто считают себя атеистами (уверен, что такие здесь тоже есть). Сейчас снова стало как-то даже немодно модно быть неверующим, настроенным анти-, то есть против того, другого, третьего... Тем не менее, я рискую утверждать, причем еще никого из вас сегодня не услышав, что у вас у всех есть вера, и вера настоящая, которая позволяет вам жить. Вы все живые души, здесь нет мертвых душ, нет смертников, которые до вечера не доживут. И это уже кое-что стоит, это уже кое-что значит.

Для меня, например, это значит одну важную вещь (ну, по крайней мере, для начала одну): человек, имеющий веру, способен на доверие, на что-то такое, что предваряет эту веру, что вокруг нее существует и ее, собственно, конституирует. Мы все не только имеем веру, мы имеем еще и какое-то доверие к кому-то и к чему-то. И без веры, и без доверия человек, повторяю, жить не может, совсем. Так же как он не может жить без какой-то внутренней свободы, пусть минимальной, пусть даже эфемерной, пусть даже выродившейся в произвол, но хоть какое-то ощущение свободы у человека быть должно. Если отнять у человека этот дух, эту сторону его жизни, то человек жить не может – никакой, даже воспитанный как раб и живущий как раб. Доверие – вещь ве-

ликая. Если мы открываем свое сердце чему-то или кому-то, если мы проявляем свое доверие, то мы имеем шанс что-то в своей жизни изменить. Человек должен быть способен к этой внутренней динамике. Он должен меняться, он не может не меняться, это одно из проявлений жизни. Думаю, вы с этим легко согласитесь.

В христианстве вера имеет принципиальное значение. Тут можно вспомнить Тертуллиана с его знаменитым высказыванием: «Верую, потому что абсурдно». То есть это звучит абсурдно, это абсурдно с точки зрения формальной логики, как мы бы с вами сказали на более современном языке. Но потому и верую, что не могу доказать как дважды два четыре. И в человеке есть эта внутренняя способность доказательства недискурсивного, нерационалистического, неформального, и это здорово. Мы можем сказать, что всё это относится к области экзистенции, экзистенциализма, и будем правы. Собственно, экзистенциализм вышел на поверхность именно за счет такого рода вещей. Он стал улавливать в жизни человека какие-то глубокие пласты совсем не рационалистического и не практически-утилитарного свойства. Хотя никто, конечно, не отрицает важность практических вещей. Они существуют в жизни всех людей, даже самых-самых небожителей по характеру – всё равно эти житейские, практические вещи в их жизни существуют. Христианство помогает человеку открыть некий путь к таким внутренним, глубоким вещам, которые могут явить себя в некотором совершенстве, в определенной полноте. Любому христианину скажет вам, что он связывает это, во-первых, с познанием Бога, а во-вторых, с тем путем, который был открыт Иисусом Христом, что наиболее адекватно отразилось, скажем, в текстах Нового завета и прежде всего в Евангелии. Я думаю, что здесь ни у кого споров не будет, к какой бы конфессии человек ни принадлежал. Да и вообще любой человек это просто знает, даже если он совсем и не думает о христианстве по отношению к себе.

Конечно, стать христианином в наше время стало необыкновенно трудно, значительно труднее, чем это было в прошлые века. И не только тогда, когда всё общество, семья, общий порядок вещей приводили людей к этому, когда этому способствовало и воспитание, и определенная государственная организация и т. д., но, возможно, даже и в первые века христианства, когда всё

было против христиан, когда велась бесконечная война против христианства со всех сторон – и со стороны языческого мира, и со стороны мира иудейского, который тогда не принимал Иисуса как Христа, как Божьего Помазанника. Шла такая духовная брань, духовная война. И сейчас тоже идет эта духовная брань, духовная война. В прошлом году это было очень ярко видно, это связывалось с определенными политическими обстоятельствами в жизни нашей страны. Хотя, конечно, это всё несводимо просто к политике, экономике, психологии – к вещам такого рода. Нет, здесь всё-таки действует какая-то внутренняя потребность идти вглубь, действительно познавать вещи истинные, реальные, не просто символические, даже не просто культурные в самом широком смысле слова. У людей выявилась эта потребность понять что-то такое – раньше бы сказали, что это что-то, связанное со смыслом жизни или с чем-то подобным. Вплоть до начала, даже до середины XX века об этом говорили бы в таких терминах. А сейчас не знаю, как люди сами себе это объясняют, но они явно захотели подлинности.

Надоели подделки, надоела эта постоянная ложь, внутренняя и внешняя. Я сейчас говорю не просто об официальной лжи, я говорю о той лжи, в которой живут простые люди, мы с вами. Это всё страшно надоело. Не хочется никаких потемкинских деревень. Ведь даже театр находится в тяжелом кризисе, потому что в итоге он должен быть или маскарадом, или как-то выходить на подражание живой жизни, но у него это не очень получается или получается некрасиво; вроде даже если и подлинно, то некрасиво, а если красиво, то неподлинно. И мы с вами имеем большой-большой кризис, собственно, всех областей искусства – и театра, и кино, и чего хотите. И живопись, и архитектура – всё, абсолютно всё выветрилось, потеряло свои четкие критерии качества. Поэтому мы сплошь и рядом сталкиваемся с безобразием, я говорю не в поведенческом смысле, а с без-образием, когда нет красоты, когда нет целостного образа в человеке и в его жизни и в соответствующих ее плодах.

И вот, подлинность, напротив, стала трогать современных людей. Отсюда возникают всякие инициативы у тех, кто хочет выглядеть, пусть хотя бы только в своих глазах, прилично, кто хочет, чтобы их жизнь не проходила впустую, в погоне лишь за почетом, славой, деньгами, удобствами, комфор-

том, удовольствиями и т. д. Почему-то эти вещи, которые еще так недавно всех очень увлекали, вдруг стали людям надоедать. Одна из самых сейчас знаменитых и лучших поэтесс страны Ольга Александровна Седаква как-то сказала, что это и есть новая интеллигенция. Старая интеллигенция, как она считает, умерла, совсем умерла – и, к сожалению, с этим приходится согласиться, – но появилась какая-то новая интеллигенция, только другая, совсем другая. Интеллигентным человеком можно назвать не просто того, кто получил диплом о высшем образовании или какую-нибудь степень кандидата или доктора наук, а того, кто чувствителен к тем вещам, которые связаны с подлинностью жизни. Это несколько неожиданно. Это может быть любой простой человек, который просто способен жить своей совестью (а для христианина совесть – это голос Божий внутри человека), который способен на эти вещи обращать внимание и способен побеждать все трудности своей жизни, именно выбирая эту самую совесть, – вот такой человек и может быть назван сейчас интеллигентом, интеллигентным человеком. А кто не способен жить по совести, хотя бы в самых принципиальных вещах, тот не интеллигентный человек, будь он как угодно – композитор, художник, писатель, – кем бы он ни значился в метриках. И это очень интересно, это совершенно новые вещи. Это то, чего еще пять-десять лет назад в нашей стране не было, а может быть, и не только у нас. Люди нашли какие-то новые пути к объединению. Для современной постсоветской России это особенно важно, потому что мы до сих пор еще не совсем народ, до сих пор еще не совсем страна. Почему? Особенно потому, что еще слишком мало вот таких связей, объединяющих всех бескорыстно изнутри. Какие-то связи есть, но их недостаточно, существует огромный их дефицит, и поэтому не хватает того самого доверия друг к другу, не хватает всего того, что нужно человеку, чтобы опереться на что-то реальное.

Конечно, говоря о христианстве, я не могу снова не сказать то, что и так понятно: что без Бога, как и без Христа, христианства не существует. Так же как не существует его без правды и совести. Об этом, правда, христиане как-то иногда забывают. Не существует его и без способности выбора. Жизнь дает людям разные возможности, открывает разные пути, и вопрос в том, какой выбор человек делает, насколько он вообще способен к выбору, причем к такому, о котором он бы потом не пожалел, который потом сам бы не предал. И это всё имеет прямое отношение к христианству. Я принципиально не хочу сейчас начинать ни с обрядовой стороны, ни с догматической, ни с чего из того, что хотя и имеет важное значение, но что

укоренено в далеком прошлом. Мне кажется, что христианство для нас с вами ценно в первую очередь потому – по крайней мере, может быть ценно, – что оно как раз отвечает на вопросы современного человека, современности. И отвечает на них значительно лучше, чем на вопросы о прошлом или будущем. Впрочем, это понятно. Христианство предполагает, что Христос Своим Духом Любви, Своей реальной жизнью может присутствовать посреди нас в любом месте в любое время, что Он не просто когда-то был, когда-то что-то говорил, когда-то с Ним что-то произошло на Голгофе, а потом, кажется, еще и в Воскресении, как утверждают верующие в Него, а потом Он дал обещание Царства Небесного, условием которого является только одна маленькая деталь: должно кончиться историческое время, должна кончиться история. Просто потому, что в ней слишком много лжи и зла, страданий и греха, вот поэтому она и должна кончиться. А то, что наступит после этого, и называется Царством Божиим, потому что в этом мире, если он сотворен Богом, есть способность к обновлению.

Конечно, всё это существует, но главное, что христианство может нам дать – это я говорю из опыта, не из книжек, – это такую платформу, которая обладает всеми свойствами подлинного фундамента, подлинного основания жизни. Дальше стройте на этом основании то, что вы хотите, то, что можете, каждый по-своему, со своими способностями, со своими талантами, со своим усердием, со своей внутренней целостностью или нецелостностью и т. д., – то есть со всеми теми качествами, которыми разные люди обладают в очень разном сочетании. Может быть, даже каждый человек обладает ими в каком-то уникальном варианте, и это замечательно. Откровение личности, как известно, было принесено Христом. До Христа никто не знал, что такое личность, да личности еще и не было. Были яркие или неяркие индивидуумы, были талантливые, способные, иногда гениальные люди, но это еще не означает, что они были личностями. Они могли быть знаменитыми философами или какими-то выдающимися деятелями, в том числе и в религиозной, духовной сфере, но этого еще было мало для того, чтобы стать личностью. Для того, чтобы ей стать и оставаться, надо было научиться жить, не противореча своей совести, т. е. голосу Божьему и Самому Богу. Если ты противоречишь Богу в вещах принципиальных, то не думай о себе, что ты стал личностью, или что ты родился ею, или что ты возродился как личность. Может быть, ты даже когда-то и имел это качество, да потерял. А потерять его можно; всё духовное можно и обрести, и потерять.

Наша жизнь полна такого рода во-

После вступительного слова ведущего участники встречи задают свои вопросы о вере и Церкви

просов, которые волнуют нас всерьез, без решения которых мы не можем нормально существовать, не можем нормально думать ни о дне сегодняшнем, ни о дне завтрашнем, ни о себе, ни о своих близких и родных, ни о своих друзьях. А подвергать всё время себя и других опасности мы все-таки тоже не хотим, нам это тоже надоело. Надоела эта мясорубка XX века, когда человек всё время сравнивался с какой-то щепкой, которая постоянно должна была куда-то безумно улетать, в некое небытие. Вот этого безумия не должно быть. Ему надо поставить предел, его надо остановить ради каждой такой щепки, которая при большем и лучшем внимании и рассмотрении оказывается живым человеком с совершенно уникальными свойствами, способностями, которых никто до конца, без остатка заменить не может, никто!

В христианстве очень важно то, что оно никого не осуждает. И даже не судит. Раньше на подобных встречах мне иногда, а в какие-то годы и часто, задавали вопросы: а как церковь относится к Толстому? Или, скажем, к Михаилу Булгакову? К Бердяеву? В общем, было огромное количество таких вопросов по отношению к каким-то явлениям или к каким-то людям. А я говорю: никак церковь к ним не относится, просто как к людям, как к чадам Божиим, и всё. Но они же писали, они же говорили, они же то-то и то-то делали... Да, писали, да, говорили, и это имеет значение. Но церковь не спешит кого-либо судить, и это принципиально. Когда я сейчас смотрю по телевизору или в Интернете, как иногда выступают даже церковные люди, даже люди, облеченные духовным саном, мне подчас бывает стыдно, именно потому что забыты эти основы основ, потому что спешат судить. То есть делают то, что делают все. Но, простите, может быть, всем это и не слишком предосудительно, потому что то все же считают себя христианами, но христианам это безусловно предосудительно. В Евангелии говорится: «Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы; и

какою мерою мерите, такую и вам будут мерить» (Мф 7:1–2). И уж это знают все, даже самые недалекие из верующих людей. Очень важно, что христианская церковь за две тысячи лет своего существования вынесла крайне малое количество суждений и осуждений. Их можно пересчитать чуть ли не по пальцам одной руки, ну, может быть, двух или чуть-чуть больше. Но за две тысячи лет это уж очень скромно.

Иногда при этом вспоминают историю западного христианства, скажем, какого-нибудь Галилея, Бруно или инквизицию и прочее. Но мы с вами, слава Богу, живем в XXI веке и уже хорошо знаем, что католикам пришлось на самом высшем уровне за всё это просить у всего человечества прощения, и надо сказать к их чести, они это сделали. Хотя эти жесты и были символическими, но эти символы что-то да значили. Просили прощения у евреев за антисемитизм, просили прощения у греков за разгром Константинополя, просили прощения за те самые псевдонаучные споры, просили прощения за инквизицию... Конечно, инквизиция – очень малое явление по отношению, скажем, к тому, что происходило в XX веке. Далеко ходить не будем, вспомним хотя бы нашу историю, нашу страну. Хотя вы прекрасно знаете, что в XX веке было и множество других трагедий, не только в нашей стране. Но в нашей стране было то, чего не было нигде. И тем не менее, католики просили прощения, а мы нет.

Я думаю, что имело бы смысл людям об этом подумать и как-то применить к себе. Вот мы до сих пор не попросили прощения за то, что было у нас в XX веке. Я считаю, что это для нас очень негативно. Мы как бы отрубам себе возможность нормальной жизни в будущем. А кто должен просить прощения? Да вот весь народ и должен, все, кого народ сочтет представителями своей совести. Это может быть любой человек: если патриарх, пусть патриарх, если президент, пусть президент, если какой-нибудь министр, пусть министр, если какой-нибудь монах, пусть монах, если какой-нибудь коллектив или круг друзей, тоже пожалуйста. Но пока этого не делает практически никто. А без очищения невозможно возрождение. Надо обратиться к силе Божьей, к силе Божьей Любви – уж будем говорить более конкретно, чтобы всем было понятно, что имеется в виду. Надо к ней обратиться, и только тогда эта черная пелена сойдет с наших глаз, с нашего сердца, уйдет из нашей жизни. В нас укрепится радость, которой нам всегда так не хватает, и поэтому мы всё время ищем бесконечных суррогатов. В нас укрепится любовь и та же самая свобода. Ну, пусть хотя бы только эти основоположные вещи. Мы сможем снова познавать истину, а не просто то, что высчитывается по формулам. Это

принципиально, и до сих пор этого нет. И это есть ответственность всех, кто живет на нашей земле, кто бы кем ни был, пусть даже те, кто сами страдали от системы, а такие люди еще пусть единично, но живут. Существуют и те, кто прямо, лично страдал в советское время, но и те, кто страдал позже.

Нам нужно вернуться к зову совести, к этому голосу Божьему внутри себя. Нам нужно понять, насколько это связано с тем, что сказал нам Христос. Именно нам с вами. Не просто древним евреям, или древним грекам, или древним римлянам, или кому бы то ни было еще, а нам с вами. Я думаю, что это прямо относится к той тайне жизни, которая в каждом из нас есть, которая нас призывает к какой-то ответственности, а значит, к каким-то границам, за которые нам, живя по совести, переходить нельзя в принципе. Как раньше, допустим, было много людей, которых воспитывали так, что они в принципе не могли соврать, хоть убей; или в принципе не могли взять чужого, хоть он умрет с голоду. Мы потеряли ключ к такого рода воспитанию. У нас всё стало относительно. Мы всё время абсолютное делаем относительным: «нельзя, но если очень хочется, то можно». Или если очень нужно, то можно. И мне кажется, именно от этого нам надо уходить, если мы хотим возродить свою внутреннюю жизнь, если мы хотим при этом друг друга увидеть в лицо и не пугаться взгляда, если мы хотим встретиться с людьми лицом к лицу, глаза в глаза, как с близкими, знакомыми, так и с незнакомыми, не близкими нам, а может быть, иногда даже и несимпатичными, может быть, даже когда-то сделавшими нам какое-то зло. В жизни каждого человека есть такие люди, их можно называть врагами, а можно и не называть, это сейчас не важно.

Ну вот, я думаю, что пока, для первого слова, «для затравки», того, что я сказал, достаточно. Конечно, я не описал всего христианства, это понятно. Но мне кажется, что я сказал о христианстве самое главное. Я только должен предупредить, что для меня сегодня, как и всегда в таких случаях, христианство тождественно – условно говоря – православию. Я не из тех, кто не знает разницу между конфессиями, я ее хорошо знаю, но не надо ее переоценивать. Да, разница есть, да, она часто бывает довольно существенной в каких-то аспектах, в каких-то сторонах нашей христианской жизни. Но сегодня пусть для нас это будут синонимы. Мы будем говорить христианство или православие, чтобы не вызывать здесь каких-либо конфессиональных споров, они практически всегда бесплодны. Давайте условно договоримся, что мы не будем в эти внутриконфессиональные вещи сегодня входить, не будем их обострять, не будем на них акцентировать внима-

ние, просто потому что не о них речь. Нам всем сейчас не до жиру, быть бы живу. Нам сейчас важно то, что нас объединяет, а с различиями мы разберемся. Там, где есть любовь между людьми, там люди умеют и договариваться, и решать проблемы между собой.

Нужно сначала открыть двери любви, нужно открыть свое сердце и не бояться давать авансы любви и доверия всякому человеку, с которым ты столкнулся, пусть даже случайно. Это правило не только для священников, хотя без этого священником вообще быть нельзя. Об этом, мне кажется, надо сейчас заявлять громко, это надо распространять на всех, даже на тех, кто себя верующим и христианином, скажем, на сегодняшний день не считает. Надо давать авансы любви и доверия каждому человеку, начиная с маленького ребенка, которому это тоже надо – поверьте мне, мне много приходится работать самыми разными с людьми, – и кончая седовласым старцем. Это нужно и людям адекватным, и неадекватным, людям с добрым и светлым прошлым и с совсем иным прошлым или настоящим. Это нужно всем.

Мы разучились жить вместе, мы разучились давать авансы любви и доверия друг другу без условий, как раньше говорили, без аннексий и контрибуций. Мы настолько разучились это делать, что иногда теряем человеческий образ, человеческий облик. На нас действительно бывает трудно положиться. Вот всему этому и надо положить предел, всё это надо остановить!

Конечно, человек не может жить только отрицательными ценностями: это не делай, туда не ходи. Человек так не может, он должен хорошо знать, куда же он движется, к кому он идет, на кого он смотрит, с кого он берет пример. Христианину здесь легче, ему заповедано в этих случаях смотреть только на Христа и больше ни на кого. Поэтому он никогда не упадет в уныние, никогда в жизни не разочаруется, не расстроится. Всякий унывающий человек в каком-то смысле еще не совсем христианин, потому что уныние – это не то, что зависит лишь от внешних условий жизни, от состояния здоровья, благополучия и т. п.

Будем же стараться не унывать и давать друг другу бескорыстные авансы любви и доверия!

